

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Андрей Заостровцев

Егор Гайдар
и новая институциональная
экономическая история

Препринт М-30/12

Центр исследований
модернизации

Санкт-Петербург
2012

УДК 330.1
ББК 65.011
З 29

Заостровцев А. П.

З 29 Егор Гайдар и новая институциональная экономическая история / Андрей Заостровцев : Препринт М-30/12. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. — 52 с. — (Серия прerinтов; М-30/12; Центр исследований модернизации).

Егор Гайдар широко известен как политик-реформатор и гораздо меньше как выдающийся специалист в области экономической истории. Этот несправедливый перекос и призвана исправить данная работа. В настоящее время все более и более популярной в мире становится такое направление социально-экономической мысли, как новая институциональная экономическая история (НИЭИ). Анализ работ Гайдара показывает, что он стоял у ее истоков в 1990-е гг. и опирался на ее теоретические достижения. Несомненным вкладом в НИЭИ могут считаться концепция потенциала преимуществ ранней институциональной адаптации постсоциалистических стран, применение теории династических циклов к истории России, трактовка смут и революций. Гайдар надеялся на выбор Россией пути западной цивилизации, построенной на разделении власти и собственности, но одновременно видел и опасность институциональной ловушки сохранения основ традиционного российского авторитаризма как тупикового исторического пути, чреватого консервацией отсталости и социальными потрясениями.

Научная работа создана на средства гранта, полученного от Фонда Егора Гайдара.

Информация об авторе: Заостровцев Андрей Павлович — кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге, профессор Санкт-Петербургского филиала Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (zao-and@yandex.ru).

© Андрей Заостровцев, 2012

Введение

В истории России Егор Гайдар остался навсегда. Оценка его роли как политика-реформатора, как правило, никого не оставляет равнодушным. С одной стороны, он пользуется признанием тех, кто способен понять всю меру нагрузки, выпадающей на человека, который встает во главе революционных перемен в уткнувшемся в исторический тупик обществе и совершенно не осознающем, какая болезненная ломка его ждет. С другой стороны, что абсолютно закономерно, он до сих пор продолжает получать огромные порции критики в свой адрес. Она не умаляет его заслуг, а, напротив, лишь подчеркивает масштаб личности и радикализм трансформации российского общества, которая развернулась в начале 1990-х гг. по его замыслу и под его руководством.

В то же время обсуждение его вклада как академического исследователя (в отличие от не всегда содержательных споров вокруг его политической практики) только начинается (Аганбегян, 2010; Мау, 2010; Заостровцев, 2011а; Травин, 2011; Ясин, 2011а). И надо сказать, в этом плане Гайдару явно не повезло. Все время реформатор затмевает исследователя. При этом мало кто знает, что вершина его правительственной карьеры — пост исполняющего обязанности Председателя правительства России, который он занимал ровно полгода: с 15.06 до 15.12 1992 г. (первоначально же 06.11.1991 г. он был назначен заместителем Председателя правительства РСФСР по вопросам экономической политики). После ухода из правительства он возглавил Институт экономической политики Академии народного хозяйства и АН СССР, переименованный по его инициативе в Институт экономики

переходного периода (ИЭПП)¹, и руководил им вплоть до своей кончины 16.12.2009 г.

Далее о Гайдаре-политике не будет ни единого слова. Свою задачу автор видит, в частности, в том, чтобы начисто забыть о политической жизни своего героя и полностью погрузиться в анализ его творчества как выдающегося экономиста-историка. Изучение работ самых видных представителей такого сравнительно нового направления общественной мысли, как новая институциональная экономическая история (НИЭИ), позволяет утверждать, что Гайдар, судя по тому, что ему удалось внести в понимание исторического процесса, должен вполне заслуженно находиться в их рядах. Если же вести речь о применении институциональной экономической теории к истории России, то тут ему явно не будет равных.

Главной целью работы является описание основных достижений Гайдара в контексте развития мировой экономической мысли. В первом разделе подчеркивается, что отказ от неоклассических принципов как метода исследований исторических изменений был признан не только неформальным лидером НИЭИ — Нортом, но и Гайдаром, который никогда не обращался к малополезным для их понимания формальным инструментам.

Во втором разделе демонстрируется тот факт, что Гайдар строил свой анализ на двух ключевых понятиях НИЭИ — адаптивной эффективности и т. н. «эффекте колеи». Именно они помогли ему вскрыть природу появления и последующего упадка ряда институтов и в целом общественных систем.

В третьем разделе поднимается актуальная и активно обсуждаемая ныне проблема автократии, демократии и развития. Показаны столкновение точек зрения по этому вопросу и позиция Гайдара, который не видел каких-либо долгосрочных преимуществ автократических режимов и, напротив, обосновывал выгоды демократии как системы с более высокой адаптивной эффективностью. Особое место занимает рассмотрение выдвинутой Гайдаром концепции ранней институциональной адаптации и подтверждающих ее примеров из совсем недавней истории ряда постсоциалистических стран.

В четвертом, заключительном, разделе описывается подход к институционально-экономической истории России. Представляются многочисленные подтверждения того обстоятельства, что, ставя Россию между Востоком и Западом, он все-таки относил ее по преимуществу к обществам с азиатским способом производства (хотя и испытывал колебания в этом вопросе). Наибольший интерес здесь представляет как видение им этой модели общественных отношений в российском варианте, так и формулировка выбора, перед которым оказалась Россия в последние годы.

¹ Ныне это Институт экономической политики, носящий его имя.

Новое видение мира: от неоклассических догм к историческим изменениям

В настоящее время одной из широко обсуждаемых тем является проблематика становления новой экономической парадигмы для объяснения исторических изменений. Это направление дискуссии связано, конечно, с последними работами Д. Норта и его соавторов (Норт, 2010; Норт и др., 2011, 2012). Они, по их собственному признанию, выдвинули новую исследовательскую повестку дня для общественных наук (Норт и др., 2011: 416). Главная сложность оказалась в том, что для исследования исторических изменений не нашлось адекватной парадигмы, не говоря уже об инструментах.

«Экономическая парадигма — неоклассическая теория — создавалась не для того, чтобы объяснить процесс экономических изменений. Мы живем в мире неопределенности и непрерывных изменений, эволюция которого все время идет по новым и неожиданным путям. Стандартные теории в этих условиях едва ли на что-нибудь годятся. Попытка разобраться в экономических, политических и социальных изменениях (притом, что невозможно изучать изменения в одной из этих сфер в отрыве от прочих) требует фундаментальной перестройки нашего образа мысли» (Норт, 2010: 7).

Фундаментальная перестройка образа мышления, как видно из вышеприведенной цитаты, несовместима с неоклассической концепцией (основанием современного экономического мейнстрима), которой Норт отводит ограниченную роль. Она дает понимание работы рынков в развитых экономиках, но в ее задачи не входит объяснение эволюции рынков и экономики вообще. Норт отмечал три принципиально присущих ей недостатка: во-первых, эта теория исходит из нулевых транзакционных издержек («беспрепятственности»), во-вторых, статична (не задействует фактор времени) и, в-третьих, не зависит от человеческой интенциональности. В то время как «действие экономической эволюции определяется именно институтами, в создании которых выражается интенциональность игроков» (Там же: 103)².

В итоге Норт, подобно австрийцам, «ставит крест» на неоклассике, объявляя ее окончательно непригодной для изучения развития.

² В этом акценте Норта на интенциональности игроков нетрудно заметить явное влияние австрийской школы. Как писал Ротбард в предисловии к книге Мизеса «Теория и история», «сущность людей состоит в том, что они имеют цели и намерения» (Ротбард, 2007: xii), и поэтому «способ и методология изучения и анализа людей должны радикально отличаться от анализа камней, планет, атомов или молекул» (Там же). Подробнее о методологии анализа истории австрийской школой см.: Заостровцев, 2011б.

«Экономисты цепляются за теоретические построения, созданные применительно к развитым экономикам родом из XIX века, основные проблемы которых связаны с распределением ресурсов. Эта теория, которую экономисты настойчиво пытаются применять к фундаментальным проблемам развития, просто не годится для решения вопросов, поставленных в настоящем исследовании» (Там же: 241).

Какие же вопросы поднимает Норт в исследовании, о котором идет речь (книга «Понимание экономических изменений»), да и в последующих работах? «Задача состоит в том, — писал он вместе со своими соавторами, — чтобы объяснить, как устойчивые и предсказуемые общественные институты справляются с постоянно меняющимся, непредсказуемым и новым миром, формируемым в контексте и под воздействием динамических сил социальных изменений» (Норт и др., 2011: 34). Ясно, что неоклассический «кубик Рубика», с его центральной задачей в виде оптимального (Парето-эффективного) размещения наличных ресурсов между альтернативными целями, для решения этой задачи подходит так же, как рельсоукладчик для стрижки газонов.

Параллельное изучение работ Норта (как его самого, так и совместных с соавторами) и Гайдара невольно наталкивает на мысль, что в России был свой экономист, который шел тем же курсом, что и лидер новой институциональной экономической истории³. Это утверждение — отнюдь не преувеличение; оно подкрепляется многими фактами.

Прежде всего, Гайдара, так же как и Норта, интересовала динамика исторических изменений на протяжении всей человеческой истории. Для того чтобы убедиться в этом, не нужно много слов. Достаточно заглянуть в содержание его главного труда — «Долгое время» (2005). Исторические изменения — главный предмет и таких работ Гайдара, как «Государство и эволюция» (впервые издана в 2004 г.), «Гибель империи» (2006) и «Смуты и институты» (2009)⁴.

Что привело Гайдара к взгляду на мир как изменяющуюся во времени динамичную систему? По всей видимости, то же, что и Норта. Как ни стран-

³ С учетом последней попытки Норта и его соавторов создать некую синтетическую науку общественных изменений правомерно поддержать точку зрения о том, что имеет место появление новейшей институциональной экономической истории или, более широко, новых институциональных социальных наук (Дроздова, 2010: 263–264).

⁴ В 2009 г. работы «Государство и эволюция» и «Смуты и институты» вышли в одном издании под общим названием «Власть и собственность: Смуты и институты. Государство и эволюция» (Гайдар, 2009).

но, марксизм⁵. Сам Гайдар написал о нем достаточно много (Гайдар, Мау, 2004а: 4–27; 2004б: 28–56; Гайдар, 2005: 47–80).

В чем же Гайдар видит главную заслугу Маркса как исследователя общества? В том, что «он выделил характерные для современного ему экономического роста изменения в производстве и социальной структуре, указал на динамичный характер общественной эволюции; продемонстрировал, что социально-экономическая структура не остается неизменной, находится в постоянном развитии» (Гайдар, Мау, 2004б: 51). Короче говоря, создал теорию экономической истории. Гайдар ссылается на Норта (Там же: 34) и Шумпетера (Гайдар, Мау, 2004а: 6), которые примерно в том же ракурсе видят сильную сторону марксистского учения. Правда, нельзя забывать, что вся динамика у Маркса заканчивается вместе с социализмом⁶, но Гайдар социалистическую сторону марксистской теории отвергал. Маркс для него заканчивался там, где начинался социализм.

Норт выделяет неэргодический (неповторяемый, нерегулярный) характер исторического процесса⁷. И напротив, для него «эргодическая гипотеза является а-исторической» (Там же: 36). «Однако теории, которые находятся на вооружении общественных наук, опираются на представления об эргодичном, повторяющемся, предсказуемом мире, в котором люди ищут разные решения для одних и тех же проблем» (Норт и др., 2011: 416).

На гипотезе эргодичности и строится вся неоклассическая доктрина, превращающая экономику в разновидность прикладной математики или в нечто подобное физике. Кстати, Норт приводит ряд высказываний столпов неоклассики (в частности, создателя самой известной модели экономического роста Солоу), которые прямо подчеркивают аналогию экономической теории и физики как критерий качества первой (Норт, 2010: 36). Он же принципиально против превращения экономики в некое подобие естественных наук.

⁵ Увлечение Норта учением Маркса в юношеские годы не прошло для него даром. «Норт признавался, — пишет в предисловии к русскому изданию «Насилия и социальных порядков» Расков, — что всю жизнь отвечал на вопросы Маркса о причине социальных изменений. Более широкий политэкономический взгляд на многие вопросы — тоже в известной степени наследие Маркса» (Расков, 2011: 12).

⁶ На этот факт обратил внимание известный современный приверженец австрийской экономической школы Уэрта де Сото, который пишет, что «его (Маркса. — А.З.) идеальная модель общества, в конце концов, сводится к модели равновесия...» (Уэрта де Сото, 2008: 242).

⁷ «Эргодическая экономика — это экономика, в которой фундаментальная структура является постоянной, неизменной во времени. Однако мир, в котором мы живем, является неэргодическим — это мир постоянно возникающих новых изменений» (Норт, 2010: 32).

«Естественные науки используют редукцию для того, чтобы прийти к фундаментальным принципам, которые (вероятно) делают эти науки эргодическими. Социальные науки не имеют таких фундаментальных принципов, за исключением, возможно, бихевиоральной предпосылки, и даже эта последняя вряд ли является удовлетворительной, как показывают исследования в когнитивной науке» (Там же: 36–37).

В этой связи Норт и его соавторы в своих последних работах ни разу не пользовались ни математическим моделированием, ни эконометрическим анализом⁸. Аналогично поступал и Гайдар. При всех возможностях насытить такую свою работу, как «Долгое время», математическими и эконометрическими выкладками, он, по всей видимости, сознательно не стал этого делать из-за схожего с Нортом восприятия исторического процесса⁹.

Неэргодичность означает принципиальную непредсказуемость исторических процессов. Собственно говоря, это — одно и то же. Если отсутствует регулярность, повторяемость (исторические законы), то предвидеть будущее затруднительно. «Наши способности в смысле предвидения весьма ограничены, вследствие чего грядущие перспективы человечества останутся неопределенными» (Норт, 2010: 238). И это убеждение лидера новой институциональной экономической истории имеет свои корни все в той же австрийской экономической школе¹⁰.

⁸ «Мы не предлагаем формальной модели, которая делала бы возможной эксплицитную эмпирическую проверку или детерминистские предсказания социальных изменений» (Норт и др., 2011: 34). И еще: «Мы не предпринимали никаких попыток статистического анализа, так как никаких прямых способов измерения наших основных понятий не существует» (Там же: 435).

⁹ В принципе, неприятие математических методов в экономике — не заслуга Норта. Если это и заслуга, то она целиком принадлежит австрийской экономической школе, и, в частности, Мизесу как одному из ее основателей (Мизес, 2005: 329–335). Более того, как раз Мизес и указал на то, что Норт много лет спустя назвал неэргодичностью, как на причину неадекватности количественных методов анализа. «Именно в игнорировании отсутствия постоянных связей между тем, что мы называем экономическими величинами, заключается коренной недостаток любого количественного подхода к экономическим проблемам» (Там же: 112). Несколько позднее он развил свою аргументацию в книге «Теория и история», подчеркнув несостоятельность математического анализа в социальных науках в силу отсутствия в общественной жизни регулярностей и констант (Мизес, 2007: 2, 4, 8–10).

¹⁰ Здесь уместно привести знаменитое высказывание Ротбарда против амбиций эконометриков: «Претензии эконометриков и других специалистов по математическим моделям экономики, что они в состоянии точно предсказывать ход будущих экономических событий, всегда будут наткаться на простой, но обескураживающий вопрос: “Если вы можете так точно все предсказывать, то почему вы не делаете

Гайдар, конечно, не высказывался в пользу непредсказуемости столь определено. Однако его точку зрения по этому вопросу, с некоторыми оговорками, можно считать близкой к вышеприведенной. Он, в частности, писал об ошибке, свойственной как Марксу, так и Шумпетеру, которая заключалась в том, что они экстраполировали на будущее тенденции, которые в течение десятилетий определяли развитие стран-лидеров (Гайдар, 2005: 67). И в целом подчеркивал опасности подобной экстраполяции во всех случаях: «Историческая практика показала, насколько динамичен и нестационарен современный экономический рост, как опасно прогнозировать грядущие экономические и политические события и процессы в странах-лидерах» (Там же: 79). Им, например, отмечалась несостоятельность промышленной политики в условиях постиндустриального типа экономического роста, ибо здесь неопределенность будущего возрастает (Там же: 70)¹¹. И наконец, в книге «Смута и институты» указывалось, что наступление революционных событий является труднопредсказуемым: «Революцию редко удавалось предсказывать. Это катаклизм, который наступал неожиданно для его участников — как правящего режима, так и тех, кто приходил ему на смену» (Гайдар, 2009: 30).

Гайдар с большим оптимизмом смотрел в будущее, чем Норт и его соавторы¹². Несмотря на то что он, вопреки Марксу, признал возможность наличия разных производственных отношений на основе одинакового уровня развития производительных сил¹³, он выражает оптимизм там, где речь идет

этого на фондовом рынке, где точный прогноз может буквально озолотить?» (Ротбард, 2003: 388).

¹¹ Применительно к России Мау, частый соавтор Гайдара, пишет о неэффективности промышленной политики в современных условиях следующее: «И сегодня наше государство, конечно, может разработать и навязать стране программу того, как нам превзойти весь мир по производству компьютеров на душу населения и даже обеспечить реализацию этой программы. Но к моменту ее успешного осуществления выяснится, что мир технологически далеко ушел вперед — причем в направлении, о котором еще недавно никто и не догадывался» (Мау, 2010: 9).

¹² Они не единожды подчеркивают, что «динамика социального порядка — это динамика социальных изменений, а не динамика прогресса» (Норт и др., 2011: 55). Прогресс же, понимаемый как переход к порядку открытого доступа (развитым демократиям, правовым государствам), ничем не гарантирован. Более того, этот порядок способен нарушить мир в т. н. «естественных государствах», если его искусственно внедряют в несозревшую для него среду (Weingast, 2010).

¹³ «Вопреки представлениям Маркса и его последователей, на одном и том же уровне развития производительных сил исторически долгое время могут сосуществовать радикально отличающиеся друг от друга системы экономических и социальных институтов» (Гайдар, Мау, 2004б: 53–54).

о переходе к демократии¹⁴. Приведенная цитата свидетельствует о том, что марксистская каузальная связка «базис — надстройка» для него все-таки сохраняет известную силу. В итоге Маркс корректируется следующим образом: «Более развитая страна своим опытом, своим примером демонстрирует менее развитой не будущее последней, а общие направления вероятных перемен» (Гайдар, 2005: 124).

В исследованиях мировой истории подход Гайдара строится на тех же двух ключевых понятиях НИЭИ, что и у Норта. Эти понятия — «адаптивная эффективность» и «эффект колеи».

Адаптивная эффективность и «эффект колеи»

Адаптивную эффективность следует рассматривать в качестве ключевого понятия НИЭИ. Она не имеет ничего общего с привычной для мейнстрима статической эффективностью или Парето-эффективностью. Это понятие ввел и развивал Норт в целях сравнительного анализа динамики экономик в историческом времени.

В работе «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики» (впервые опубликована в 1990 г.) исследование организации, обучения и институциональных изменений привело его к заключению о том, что расширение навыков и знаний, их применение в целях экономического развития определяют динамичную эволюцию экономики, которая, в свою очередь, связана с целым набором институтов. Описание последних требует принципиально нового понимания эффективности, отличной от знакомой экономистам эффективности в распределении ресурсов.

«Понятие эффективности распределения ресурсов отличается тем, что предполагает возможность достижения стандартного неоклассического критерия Парето. Адаптивная же эффективность относится к правилам, формирующим направление развития экономической системы во времени. Она также связана с тем, насколько сильно стремление общества к обучению и приобретению знаний, к поощрению инноваций, к риску и разнообразным видам творческой деятельности, а также к разрешению проблем и расширению “узких мест”, мешающих развитию общества» (Норт, 1997: 106).

В более поздней работе Норт дает гораздо более широкое определение адаптивной эффективности: «То, что я называю адаптивной эффективно-

¹⁴ «Глобальный характер обмена информацией, быстрые, масштабные социально-экономические изменения, современный характер общества не дают шансов на сохранение устойчивых недемократических режимов» (Гайдар, 2005: 644).

стью, представляет собой непрерывное состояние, при котором общество продолжает изменять старые или создавать новые институты с появлением очередных проблем» (Норт, 2010: 242)¹⁵. При этом он замечает, что «сопутствующим требованием является наличие такого государственного устройства и экономики, которые были бы готовы к непрерывным испытаниям перед лицом хронической неопределенности и устраняли бы те институциональные адаптации, которые неспособны справиться с новыми проблемами» (Там же).

Норт не скрывает, что развернутое им понятие «адаптивной эффективности» идет от представлений Хайека (Там же: 233, 242). Он, как уже не раз отмечалось выше, во многом следует традициям австрийской экономической школы¹⁶. Ведь фактически никто иной как Хайек противопоставил динамический аспект эффективности статическому¹⁷.

В этой связи надо обратить внимание на то, что в работах Гайдара, как и в трудах Норта, нет и намёка на обращение к такой «священной корове» неоклассики, как Парето-эффективность¹⁸. Это может быть косвенным подтверждением того, что он не признавал продуктивным применение в исследованиях исторической динамики традиционных для экономического мейнстрима представлений об эффективности и равновесии¹⁹.

¹⁵ Для полноты картины приведем еще одно определение адаптивной эффективности по Нарту: «Адаптивная эффективность связана с наличием институциональной структуры, которая перед лицом хронической неопределенности, присущей неэргодичному миру, гибко использует всевозможные варианты решения новых проблем, постоянно возникающих с течением времени» (Норт, 2010: 231).

¹⁶ Упомянутый выше Уэрта де Сото отдает должное норттовской концепции адаптивной эффективности как альтернативе неоклассическому пониманию эффективности, хотя в то же время и критикует ее за игнорирование энергии предпринимательства в качестве эндогенного источника изменений (Уэрта де Сото, 2011: 16).

¹⁷ «В частности, — писал он, — чтобы объяснить экономические аспекты больших социальных систем, мы должны обратиться скорее к аналогии с водным потоком, который как целое постоянно приспосабливается к новым обстоятельствам, почти неизвестным элементарным его участникам, а не к гипотетическому состоянию статического равновесия, исчерпывающим образом описанному набором данных» (Хайек, 2006: 480–481).

¹⁸ Блестящая критика принципа Парето-эффективности дана современными последователями австрийской экономической школы, в частности Уэрта де Сото (Уэрта де Сото, 2011: 1–32).

¹⁹ Лидером неоклассических построений в интерпретации истории и развития является, несомненно, Асемоглу. В своей программной статье «Теория, общее равновесие и политическая экономия в экономике развития» он активно ратует за

В то же время Норт уделяет достаточно внимания и известному «эффекту колеи» (зависимости от предшествующего развития), который «означает лишь то, что возможности выбора в настоящем ограничены наследием институтов, накопленным в прошлом» (Норт, 2010, 83). И далее он уточняет: «Более ясное понимание термина связано с признанием того, что накопленные институты привели к созданию организаций, выживание которых зависит от сохранности этих институтов и которые, соответственно, будут вкладывать ресурсы в то, чтобы предотвратить какие-либо изменения, угрожающие их выживанию» (Там же).

Им же отмечается, что «эффект колеи» — не просто некая историческая инерция. Основываясь на опыте прошлого, он ограничивает возможности выбора в настоящем. Однако неверно было бы связывать «эффект колеи» только с институциональными ловушками и торможением прогресса. Он не равнозначен адаптивной неэффективности. «Эффект колеи» может работать и на адаптивную эффективность²⁰.

Во всех своих работах, рассматривающих исторический процесс, Гайдар последовательно придерживается характерной для Норта трактовки эффективности как адаптивной и уделяет особое внимание «эффекту колеи» (хотя этим термином не пользуется). В то же время эти понятия в его трудах реально постоянно присутствуют и, насыщаясь конкретным историческим материалом, обретают дополнительный смысл.

Начнем с адаптивной эффективности. «В условиях современного экономического роста адаптивный потенциал общества, гибкие механизмы, позволяющие приспосабливаться к новым вызовам и социальным условиям, — предпосылка сочетания стабильности и развития» (Гайдар, 2005: 626). Согласно Гайдару, адаптация означает, прежде всего, адаптацию к «современному экономическому росту». Не случайно применительно к России он подчеркивает, что ее трудности «тесно связаны с адаптацией к процессу глобальной трансформации социально-экономических и политических

анализ проблем развития на базе модели общего равновесия (Acemoglu, 2010). Критика понимания истории как переходов из одного равновесного состояния в другое (на примере подхода Дэвида — автора концепции QWERTY-эффекта) и принципиальное отличие от такой интерпретации истории позиции Норта, основанной на адаптивной эффективности, представлена Капелюшниковым (Капелюшников, 2006: 223–225).

²⁰ Положительная роль «эффекта колеи» имела место, по мнению Норта, в США: «Адаптивная эффективность институциональной структуры, характерная для американской экономики, стала результатом зависимости от пути развития (благодаря политическим и экономическим институтам, унаследованным от британского правления)...» (Норт, 2010: 161).

структур, получившему название “современный экономический рост”, который начался в XIX в.» (Там же: 10).

Для него очевидна связь адаптивной эффективности с адаптивной способностью институтов. Если же выводящие на путь современного роста институты отсутствуют, то задача заключается в том, чтобы их создать. В этом случае ключевое значение приобретает позиция элит: насколько они окажутся способными переступить через традиции и пойти по пути созидания новой институциональной среды. В качестве положительного решения элит приводится пример Японии: «Японские власти сумели осознать, что экономический подъем Запада связан не только с современной техникой, он основывается на принятии свободного рынка, частного права» (Там же: 101).

Тем не менее такое отношение элит к необходимым для современного экономического роста институтам не отменяет того факта, что многие из этих институтов, служившие ему ранее, со временем устаревают и становятся его тормозом, накопленным балластом, сдерживающим прогресс. «Созданные для обеспечения догоняющего развития национальные институты инерционны. В изменившихся условиях они могут препятствовать адаптации к следующему этапу экономического развития страны, решению проблем, характерных для постиндустриальной эпохи» (Там же: 105).

По существу, здесь представлена цельная концепция исторического цикла института. Появляясь на свет как исторически оправданный, способствующий решению тех или иных проблем, он, по истечении известного времени, ограничивает или даже исключает выбор варианта, обеспечивающего оптимальную для дальнейшего развития среду. Такая интерпретация позволяет избежать ригидных суждений, сразу, вне исторического контекста, объявляющих тот или иной институт прогрессивным или, напротив, тупиковым.

В работе «Государство и эволюция» (напомним, что ее появление относится к 1994 г.) Гайдар рассуждает о смысле «мутации», которую претерпел классический капитализм в первой половине XX в., когда превратился в социальный капитализм. Он приходит к выводу, что в результате «удалось спасти западное общество, сохранив его неизменным в важнейших, системообразующих аспектах: легитимная частная собственность, рынок, разделение собственности и власти; удалось сохранить традиции, не рассеять их скальпелем лево-правого экстремизма» (Гайдар, 2009: 210). Точка зрения, конечно, спорная²¹.

²¹ В работе «Долгое время» (Гайдар, 2005), вышедшей 11 лет спустя, уже нельзя встретить такой аргументации в пользу «социального капитализма». Скорее всего, это связано с обострившимся к тому времени кризисом государства всеобщего благосостояния.

Однако далее автор не может не увидеть негативные последствия такой «мутации». Он указывает на блокировку экономического роста, бюджетный кризис, рост инфляции, сокращение частных и низкую эффективность государственных инвестиций, бегство капитала (Там же: 211). В работе «Долгое время» перечисляются институты социального государства и говорится, что они «на десятилетия вперед задают уровень финансовых обязательств, закреплённых законом и политическими реалиями» (Гайдар, 2005: 485).

Как бы то ни было, очевидно одно: если предложенная схема жизненного цикла институтов не универсальна (институт с самого своего рождения может возникать как выгодный узким группам интересов и представлять собой барьер для успешного развития), то и не уникальна. Причем применима она далеко не только для каких-то частных случаев.

Обратимся к ставшей чрезвычайно популярной книге Норта, Уоллиса и Вайнгаста «Насилие и социальные порядки» (Норт и др., 2011). В ней рассматриваются две главные ступени в истории человечества — порядок ограниченного доступа (естественное государство) и порядок открытого доступа. Порядок открытого доступа (отождествляется с устойчивыми рыночными демократиями) значительно превосходит первый по критерию адаптивной эффективности. Однако возникновение естественного государства на заре человеческой истории было колоссальным прорывом в деле обуздания насилия. В настоящее время институты естественного государства инерционны, так как ориентированы на создание и распределение рент, и не могут вывести страны, в которых они доминируют, на рубежи инновационной экономики. Тем не менее, они сохраняются, продолжая, пусть и далеко не лучшим образом, выполнять свои функции по предотвращению насилия.

Надо сказать, что Норт и его соавторы готовы защищать социальное государство в порядке открытого доступа примерно по той же логике, которой следовал Гайдар в 1994 г. Социальные программы благодаря снижению индивидуальных рисков «понижают издержки от участия в рыночной деятельности, а это снижает вероятность антирыночной политической реакции во время кризисов» (Там же: 222). Рост государства в порядках открытого доступа «отражает политику, необходимую для поддержания социального порядка путем распределения выигрышей долгосрочного экономического роста» (Там же: 223). Проблема кризиса социального государства даже не ставится.

В то же время Гайдар исходит из того, что институты меняют со временем поведение людей, которые массово выбирают оппортунистическое поведение, если институты приносят выгоды от такового. В этом факте кроется причина «непреднамеренных последствий» многих социальных

начинаний²². Он признает, что либералы XIX в. были во многом правы. «Трудовое поведение людей, которые получают легкодоступную и щедрую социальную помощь, пусть медленно, на протяжении поколений, но меняется» (Гайдар, 2005: 507). Так, ни те, кто разрабатывал системы пособий по безработице, ни те, кто пользовался ими в первые годы после Великой депрессии, «не могли себе представить, что появятся большие группы населения, которые предпочтут жизнь на пособие поиску работы» (Там же: 508).

Говоря о пенсионных системах, он отмечает все те же самые «непреднамеренные последствия» и влияние их как институтов на изменение моделей человеческого поведения. Пенсионная система «сама становится фактором, уменьшающим занятость в пенсионном возрасте» (Там же: 516). Сложившаяся в развитых странах пенсионная система рассматривается как результат упущенного 70 лет назад шанса безболезненного создания накопительной системы²³ и предстающая ныне в качестве негативного «эффекта колеи».

Фактически выделив самое слабое звено развитых рыночных демократий — государство всеобщего благосостояния, Гайдар поставил под вопрос их будущую адаптивную эффективность. Кризис зоны евро, тонущей под тяжестью бюджетных расходов из-за раздутых государственных заимствований, и судорожные попытки европейских лидеров освободиться от части социальных обязательств — самое яркое на сегодняшний день проявление провала адаптивной способности социального порядка ряда развитых стран (или тех, кто, подобно Греции, был к ним незаслуженно причислен).

В то же время Гайдар не делал прогнозов и не давал рекомендаций (за исключением российского случая), как выйти из кажущейся безнадежной ситуации. По всей видимости, он не видел выхода в случае использования более или менее традиционных рецептов, а придерживаться радикальной либертарианской позиции, предлагающей почти полный демонтаж государственного социального обеспечения (Уэрта де Сото, 2011: 137–148), не мог. Скорее всего, потому, что, будучи по духу ученым, хотел вместе с тем быть

²² Немецкий экономист Зибер непреднамеренные последствия политических решений, проявляющиеся в различных формах оппортунистического поведения, назвал «эффектом кобры»: индийцы, поощряемые англичанами в колониальную эпоху за отлов кобр, стали специально разводить их ради увеличения своих доходов (Зибер, 2003).

²³ «Семьдесят лет назад, когда наиболее развитые страны формировали свои пенсионные системы, они без труда могли развивать накопительное страхование, не сталкиваясь с острейшей экономической и политической проблемой, которая встает перед ними сейчас. Но в то время было нелегко предвидеть возникшие сегодня реалии» (Гайдар, 2005: 528).

услышан действующими политиками, которые не принимают предложений, направленных на радикальное сокращение бремени государства.

Главное достижение Гайдара в области применения теории адаптивной эффективности заключается в важной коррекции концепции «преимущества отсталости» Гершенкрона (Gerschenkron, 1962). Он сам указал на произведенную им ее модификацию, отметив, что в XXI в. данное преимущество проявляет себя как потенциал ранней адаптации социально-экономических установлений к условиям постиндустриального общества²⁴. И то, в какой степени страны догоняющего развития сумеют этим потенциалом воспользоваться, определит их место в середине XXI в. (Гайдар, 2005: 646).

В работе «Долгое время» выделены две группы постсоциалистических стран: во-первых, та, что двигалась в ЕС, и, во-вторых, та, что решала свои проблемы самостоятельно. Первым европейская ориентация позволила довольно успешно преодолеть переходные проблемы, импортировать политическую и социальную стабильность, но в долгосрочной перспективе сократила свободу маневра в выработке национальной стратегии развития²⁵. Вторые, лишенные перспектив вступления в ЕС, столкнулись с куда более серьезными переходными проблемами, но зато получили свободу маневра. Правда, не было никаких гарантий, что они ею разумно распорядятся (Там же: 493–496).

Итак, Гайдар поставил будущие успехи постсоциалистических стран в зависимость от способности распорядиться потенциалом ранней институциональной адаптации, не повторять ошибок «старших». В качестве главного ограничения этой способности для восточноевропейских стран он указал на ригидность импортируемых институтов (того же государства всеобщего благосостояния), ограничивающих свободу маневра. У стран, не идущих в ЕС, эту свободу никто извне не ограничивает, но поэтому они сталкиваются с другой опасностью — оказаться в ловушке авторитаризма, который Гайдар, использующий эвфемизм, называет «закрытой демократией».

²⁴ Под потенциалом ранней адаптации социально-экономических установлений (т. е. институтов и организаций) имеется в виду тот факт, что догоняющая страна в принципе располагает возможностями «заимствовать» лишь лучшие институты у развитых стран, не копируя при этом те из них, которые на сегодняшний день тормозят рост. Идея селективного импорта институтов Запада (хотя и очень дискуссионная) разработана у британского экономиста индийского происхождения Лала. Он отделяет институты модернизации (глобализации) от институтов вестернизации и предлагает развивающимся странам внедрять первые, но никак не вторые. Модернизация возможна и без вестернизации — таков постоянный лейтмотив его книги «Непреднамеренные последствия» (Лал, 2007). Подробнее см.: Заостровцев, 2012.

²⁵ «Импортируя стабильность европейских институтов, восточноевропейские страны импортируют и их ригидность» (Гайдар, 2005: 638).

Демократия и авторитаризм

Проблема демократии, авторитаризма и развития — едва ли не самая обсуждаемая в современную эпоху²⁶. Ее выдвигению на первый план, на наш взгляд, способствовали два обстоятельства. Во-первых, очень высокие темпы экономического роста Китая на протяжении четверти века при крайне жестком авторитарном режиме²⁷ и авторитарная трансформация Сингапура, его переход «из третьего мира в первый» (Ли Куан Ю, 2005). Во-вторых, то, что можно назвать «провалами демократии» в развитых странах (не раз упомянутый выше кризис государства всеобщего благосостояния)²⁸, и неоднократные реакции отторжения политической демократии в «третьем мире», вплоть до превращения «демократизирующихся» стран в архаичные диктатуры или «провалившиеся государства»²⁹.

Несомненно, что дилемма «демократия–автократия» является очень актуальной для ряда бывших социалистических стран, преимуществен-

²⁶ См., например, обзор исследований на тему связи политических режимов с экономическим ростом у Хелпмана (Хелпман, 2011: 202–217).

²⁷ Экономический рост Китая на протяжении трех десятилетий составлял в среднем 10 % в год; 500 млн. человек за это время были избавлены от нищеты. В настоящее время он, являясь второй после США экономикой, занимает первое место по доле в мировой торговле и промышленном производстве (China 2030, 2012: XV). В то же время по Индексу демократии 2011, составленному «Economist Intelligence Unit» (далее — EIU), Китай занял 141-е место из 167 ранжированных стран (Democracy Index 2011, 2011).

²⁸ Стоит обратить внимание на резкую критику государства всеобщего благосостояния отцом сингапурского экономического чуда Ли Куан Ю. Он, в частности, гордится тем, что Сингапур в свое время не стал заимствовать этот институт, и отмечает его негативное влияние на развитие и экономическую стабильность: «В 60–70-х годах крах европейской модели “государства всеобщего благоденствия” не был еще столь очевиден. Потребовалось два поколения, чтобы понять, какой ущерб наносит такая политика в области социального обеспечения, подрывая производительность труда людей, замедляя экономический рост и увеличивая дефицит бюджета» (Ли Куан Ю, 2005: 102–103).

²⁹ «Провалы демократии» подробно рассмотрены в книге американского политолога индийского происхождения Закария. Особо выделим в свете «арабской весны» и последующих событий такое утверждение автора: «Прибегая к демократическому лексикону, многие исламистские партии горят ненавистью к демократии, которую считают западной формой политического управления. Они с удовольствием придут к власти с помощью выборов, чтобы затем установить свой собственный теократический режим. Принцип “один человек — один голос” будет реализован — но только один раз» (Закария, 2004: 125).

но — выходцев из бывшего СССР (за исключением вступивших в ЕС стран Балтии, где, собственно говоря, такая дилемма и до присоединения к объединенной Европе не стояла). Наибольшей остроты дебаты по этой проблеме достигают там, где автократии не демонстрирует железобетонной устойчивости туркменского типа и допускают некоторые колебания (минимальные — в Беларуси, значительно большие — в России и на Украине).

Понятно, что Гайдара более всего интересовали перспективы политических режимов стран бывшего СССР и прежде всего России. Однако он рассматривал дилемму «демократия–автократия» и в глобальном контексте. Поэтому, предвзято освещая его взгляды по данному вопросу, есть необходимость обратиться к различным воззрениям на значение демократии для экономического развития, не ограничивая себя рамками постсоциалистических стран. В этом случае можно заметить довольно четкую разделительную линию между либералами (близкими к классическому либерализму и/или либертарианству авторами) и, условно говоря, демократами.

Наиболее последователен в критике демократии Лал, — сторонник возрождения классического либерализма³⁰. Для него политические свободы представляются продуктами специфической космологии (идеологии) Запада, которые, в отличие от экономических свобод и гражданских прав, не только не являются необходимыми условиями модернизации, но зачастую вредят ей, ибо воспринимаются за пределами Запада как чуждая базовым ценностям вестернизация. И когда за границами Западной цивилизации экономические свободы и гражданские права не отделяются от демократизации (е политический прав), это ставит под угрозу первые, а следовательно, и сам успех модернизации и глобализации. Образно говоря, согласно Лалу, вместе с «грязной водой» в виде демократии зачастую выплескивается и ценный «ребенок»: либеральный экономический мировой порядок. Кроме того, опасность демократии для развития кроется не только в неоправданном отождествлении ее с нужными для либерального порядка свободами, но и в построенных на т. н. «демократии участия» и противостоящих этому порядку деятельности разнообразных неправительственных организаций³¹.

Противопоставить этой позиции можно точку зрения другого экономиста индийского происхождения — лауреата Нобелевской премии по экономике 1998 г. Сена³². В работе «Развитие как свобода» он выступает прин-

³⁰ Подробный разбор взглядов этого экономиста содержится в одной из работ автора (см.: Заостровцев, 2012).

³¹ В сотрудничестве с ведомствами ООН «они — самые мощные каналы распространения “нового дирижизма”» (Лал, 2009: 342).

³² Очевидно, что и концепция открытого социального порядка Норта–Уоллиса–

ципально против т. н. «тезиса Ли» (названного так по имени Ли Куан Ю) о том, что авторитарные режимы обладают преимуществами, способствующими развитию экономики и экономическому росту³³. При этом ее автор отказывается от чисто утилитарной оценки свободы: по его мнению, самое главное заключается в том, что «политическая свобода и гражданские права важны сами по себе и не требуют доказательств своей экономической полезности» (Сен, 2004: 33)³⁴.

Сен в указанной книге посвятил проблеме демократии целую главу, так прямо и названную: «Значение демократии». В ней напрочь отвергается характерное для Лала воззрение, согласно которому демократия является специфически «западным» приоритетом, который противоречит «азиатским ценностям», ориентированным больше на порядок и дисциплину, чем на личную и политическую свободу (Там же: 172). И далее речь идет о трех аспектах, призванных подтвердить главенствующую роль фундаментальных политических свобод и гражданских прав.

Прежде всего, снова подчеркивается значение этих прав как самоценных (см. выше). Затем указывается на их инструментальную роль в качестве средства оказания давления на правительство и привлечения его внимание к своим нуждам. И, наконец, отмечается их важность как средства концепту-

Вайнгаста с ее апологетикой «свободного доступа» является антитезой по отношению к подходу Лала.

³³ Сен подчеркивает, что, во-первых, у этого тезиса нет достоверных эмпирических и статистических подтверждений, а во-вторых, он не видит несовместимости демократии со стратегиями, содействующими ускоренному экономическому росту в Китае или Сингапуре (Сен, 2004: 172–174). Российские исследователи связи характера политического режима и экономического роста пришли к следующему заключению: «Наши результаты исследования за период 1820–2000 гг. подтверждают гипотезу о том, что в долгосрочном периоде правовая демократия обеспечивает условия для заметно более высоких темпов экономического роста, а главное — демонстрирует способность экспортировать капиталы, знания и — в редких случаях (при наличии политической воли) — даже эффективные институты, стимулируя рост всей мировой экономики» (Мау и др., 2007а: 83).

³⁴ Как видим, гражданские права присутствуют и у Лала как необходимая составляющая либерального порядка, и у Сена как фактор свободы. Первый придерживается традиционной трактовки и ограничивает их понимание гарантиями верховенства закона, независимости юстиции, прав собственности. Сен, по всей видимости, включает сюда еще целый набор прав типа свободы слова, средств массовой информации, организации массовых акций и т. п. Различие между гражданскими и политическими правами появилось в ту эпоху, когда последние были привилегией лишь части граждан (право занимать государственную должность, голосовать). Об изменении со временем трактовки гражданских и политических прав, сложности их разграничения и дискуссионности этого вопроса см.: Altman, 2007.

ализации экономических нужд (выяснения, в чем именно состоят экономические потребности), включая их приоритетность³⁵.

В заключение Сен отдает должное демократии как важнейшему социальному механизму, обеспечивающему существование столь непростой страны, как Индия: «Индия — огромный, невероятный, удручающий клубок противоречий — выстояла и функционирует достаточно успешно в качестве политического единства с демократической системой — по сути, действующая демократия и держит ее на плаву» (Там же: 180).

Вопросы о взаимодействии экономических и политических свобод, эффективности и провалах демократии активно обсуждаются в современной экономической науке³⁶. Причем далеко не только применительно к миру развивающихся стран. Экономисты, близкие к чикагской школе, отстаивают тезис о ее эффективности, проводя аналогии с совершенным рынком. Их оппоненты, представляющие виргинскую школу политической экономии, отмечают ее многочисленные фиаско, ведущие к неоправданным экономическим решениям³⁷. Один из видных представителей виргинской школы, Каплан, значительно усилил теорию провалов демократии, выдвинув концепцию иррационального избирателя³⁸. В то же время и он подчеркивал,

³⁵ Сходной с Сенем позиции придерживается, например, неоднократно обращающийся к его аргументам российский экономист Ясин (Ясин, 2011б, 2012).

³⁶ Один из последних обзоров исследований, касающихся отношений между экономической и политической свободами (включая тестирование гипотезы Фридмана–Хайека, согласно которой экономическая свобода — базис свободы политической), сделан венгерскими экономистами Капас и Жегледи. Им также принадлежит и собственная оригинальная трактовка проблемы, основанная на теории социальных порядков Норта–Уоллиса–Вайнгаста (Kapás, Czeglédi, 2012). Однако углубление в эту область увело бы нас слишком далеко от рассмотрения взглядов Гайдара. Возможно, что он и успел познакомиться с концепцией социальных порядков, поскольку она еще в 2005 г. была доступна в интернете (North et al., 2005), а вскоре появилась в США в изданиях Национального бюро экономических исследований (North et al., 2006) и Всемирного банка (North et al., 2007). В то же время она не нашла отражения в его работах.

³⁷ О дискуссии между чикагской и виргинской школами по вопросу об эффективности демократии см.: Rowely, 2004: 189–195; Wittman, 2004: 186–189).

³⁸ «Основная идея состоит в том, — писал он, — что избиратели не просто невежественны, они, можно сказать, *иррациональны* — и голосуют соответствующим образом» (Каплан, 2012: 15). «...На суждения людей оказывают сильное влияние эмоции и идеология» (Там же). «Когда люди голосуют, исходя из ложных представлений, которые позволяют им хорошо себя чувствовать, демократия будет регулярно приводить к одобрению неправильной политики. Как гласит популярная в программистской среде поговорка, “мусор на входе — мусор на выходе”» (Там же).

что, перечисляя провалы демократии, нужно смотреть на них в сравнении: «Недостатки самых худших демократий бледнеют перед тоталитарными режимами» (Каплан, 2012: 16).

Если говорить именно о тоталитарных режимах, то этот тезис не вызывает никаких сомнений. Тем более что он принадлежит одному из наиболее последовательных критиков демократии, убедительно демонстрирующих ее несовершенство. Однако сегодня, пожалуй, лишь в Северной Корее и на Кубе политические режимы являются тоталитарными, несмотря на робкие уступки рынку. В большинстве же случаев недемократическое правление существует в виде рыночного авторитаризма, сочетающего рыночную экономику (в отдельных, хотя и очень редких случаях, даже более свободную, чем в развитых демократиях)³⁹ и хотя бы какую-то минимальную степень политической свободы. Последнее обстоятельство, по всей видимости, и побудило Гайдара ввести такую категорию политического режима, как «закрытая демократия»⁴⁰.

В целом для него была ясна бесперспективность подобных «демократий» (по крайней мере, в более или менее длительном периоде). Он, в частности, отмечал такую общеизвестную их черту как широкое распространение коррупции, так как «она неразрывно связана с характером режима, организацией политического процесса, который формируется в его рамках» (Гайдар, 2005: 643).

Еще одна черта «закрытых» демократий — склеротичность, негибкость (адаптивная неэффективность). Это — неспособность реформироваться в ответ на вызовы времени. Стимулируют такие «демократии» и утечку умов, так как те, кто может конкурировать за рабочие места на мировом рынке квалифицированного труда, хотят, чтобы их мнение было услышано (Там же).

³⁹ Лидерами глобальных рейтингов экономических свобод являются Гонконг и Сингапур. В рейтинге Института Фрэнзера «Экономическая свобода в мире» они заняли за 2010 г. первое и второе места соответственно (Gwartney et al., 2012). В аналогичном порядке они расположились и в Индексе экономических свобод «Херитидж Фаундейшн», выпущенном в 2012 г. (Miller et al., 2012). В то же время, согласно Индексу демократии 2011, составленному EIU, они находились на 80-м и 81-м местах из 167 стран (Democracy Index 2011, 2011).

⁴⁰ «Именно сохранение видимости политической конкуренции, свободных выборов и конституционного режима — черта, отделяющая “закрытые” демократии от откровенно авторитарных режимов» (Гайдар, 2005: 642). Закрытые, или управляемые, демократии — «это политические системы, в которых формально демократические институты и процедуры сохраняются, но правящая элита договаривается о принципах преемственности власти, контролирует избирательный процесс, определяя его исход» (Гайдар, 2006: 9).

В то же время признается, что «авторитарный характер власти, проводящей политику индустриализации, позволяет снять ограничения, накладываемые демократией налогоплательщиков» (Там же: 638). Однако преимущества это приносит только на ранних этапах современного экономического роста. Ближе к концу индустриализации, не говоря уже о постиндустриальной эпохе, экономические преимущества авторитаризма полностью сходят на нет, так как сходят на нет условия для успешной промышленной политики (Там же: 639).

Авторитаризму, таким образом, отводится в лучшем случае роль ракетносителя, если прибегнуть к сравнению с аэрокосмической областью. В период, когда индустриализация стартует и промышленная политика (в сущности, «ручное управление» в привычной российской терминологии) в состоянии принести (правда, далеко не факт, что обязательно принесет) какой-то положительный структурный сдвиг, авторитарная модель может быть инструментом проведения этой политики. Кроме того, она способна быть и гарантией макроэкономической стабильности, поскольку демократия (в первую очередь, такое ее качество, как всеобщее избирательное право) грозит выдвижением на авансцену политиков, которые в ответ на требования широких необеспеченных масс станут финансировать социальные мероприятия за счет раздувания государственного долга, не считаясь с возможностями страны. По всей видимости, это тот максимум полезных свойств, которые Гайдар придает авторитарному правлению.

Вместе с тем эти полезные свойства проявляются на достаточно ограниченном временном отрезке. За его пределами результат получается противоположным: заявляет о себе заложенная в авторитаризме нестабильность. «Созданные под предлогом обеспечения стабильности, авторитарные режимы сами оказываются источниками потрясений» (Там же: 640). Нестабильность характерна и для «закрытых» демократий, которые в работе «Гибель империи» именуется уже «мягким авторитаризмом» (Гайдар, 2006: 433). «Такие политические конструкции стабильны до тех пор, пока не столкнутся с кризисом, в первую очередь экономическим, требующим не просто молчаливой покорности, а поддержки общества» (Там же)⁴¹.

⁴¹ Интересно отметить, что в работе «Кризис и Россия» (писалась в 2009 г.) Гайдар фактически предугадал развитие событий в стране 2 года спустя: «Раньше или позже, — писал он, — если ничего не менять, люди могут выйти на улицы со словами, повторяющими те, что звучали в популярном фильме “Асса”: “Мы ждем перемен!”. Вопрос лишь в том, будут ли эти перемены упорядоченными, постепенными и ненасильственными или мы столкнемся с угрозой новой революции. Второго сценария необходимо избежать. России достаточно двух революций, которые мы пережили в прошлом веке» (Гайдар, 2010: 29).

В «Гибели империи» теория автократий и «закрытых» демократий получает дальнейшее развитие. Гайдар приводит два определения авторитарных режимов⁴². Далее отмечается важное отличие их от тоталитарных режимов: отсутствие мессианской идеологии (Там же: 70). Закрытые (управляемые) демократии рассматриваются им как ответ на вызовы, связанные с нестабильностью автократических режимов. В «Долгом времени» обращается внимание на слова Че Гевары о том, что революция не имеет шансов на успех, если речь идет о свержении правительства, которое пришло к власти на основе народного голосования, в какой бы степени достоверно оно не было, и которое сохраняет хотя бы внешние формы конституционной законности (Гайдар, 2005: 642). По этой причине закрытая, или управляемая, демократия устойчивее чисто авторитарного режима⁴³.

Продолжая тему причин нестабильности и краха авторитарных режимов, Гайдар видит их в возрастании спроса на свободу по мере роста благосостояния, качества жизни, образованности и информированности населения (Гайдар, 2006: 71–73). Это — довольно распространенная точка

⁴² «Авторитарные режимы — политические структуры, которые не опираются ни на традиционную легитимацию, ни на принятую обществом процедуру формирования правительства и парламента на конкурентной основе» (Гайдар, 2006: 59). «Авторитарными называются политические режимы, в которых власть переходит к новому правителю не на основе определенных и принятых обществом правил, не по праву престолонаследия или на основе демократических процедур, а по праву сильного; политические и гражданские права и свободы не соблюдаются» (Там же: 64).

⁴³ Выделение «закрытых демократий» как особого, отличного от классического авторитарного политического режима отвечает современной классификации, хотя в такой постановке вопроса остается и много спорных моментов. В частности, о сложностях терминологического определения российской политической системы см.: Pursianen, Pei, 2012: 115. С одной стороны, в наши дни авторитаризм практически никогда не обходится без антуража в виде имитации всего набора демократических институтов и разделения властей, которые присущи зрелым демократиям. Поэтому граница между авторитаризмом и близкими к нему режимами очень условна, что и показывает, например, методология EIU, различающая автократии и т. н. «гибридные режимы» (Democracy Index 2011, 2011). Последние, скорее всего, есть близкие аналоги гайдаровских «закрытых демократий». С другой стороны, абсолютно неоправданно, на наш взгляд, расширительное понимание закрытых демократий, которое продемонстрировано в одной из работ коллег Гайдара по Институту. У них в эту категорию попадают такие страны, как Израиль, Норвегия и Швеция (Мау и др., 2007б). Они явно не подходят под предложенные Гайдаром определения этого феномена. Особое удивление вызывает присутствие в этом перечне Норвегии и Швеции, которые соответственно занимают первое (!) и четвертое места в глобальном рейтинге демократии EIU (Democracy Index 2011, 2011).

зрения (Przeworski et al., 2000; Инглхарт, Вельцель, 2011), но любопытно, что Лал, знакомый с книгой «Гибель империи», предположил, что вариант, согласно которому в результате роста уровня валового внутреннего продукта (ВВП) и среднего класса требования политических свобод в России непременно возникнут в будущем, является возможным, но маловероятным (Лал, 2009: 11)⁴⁴.

Однако, на самом деле, Гайдар не столь оптимистичен, как представляется Лалу, тем более что, в отличие от него, он в либерального царя не верит. В его сценарии крах авторитаризма не равнозначен утверждению о торжестве демократии: «... фундаментальная проблема, связанная с крахом авторитарных политических систем: ничто не гарантирует, что за ним последует формирование устойчивых демократических институтов» (Гайдар, 2006: 79). Кроме того, уже в книге «Гибель империи» он видит проблему анархии (развитую затем в работе «Смуты и институты»), возникающую вместе с кончиной авторитаризма⁴⁵.

Особый интерес представляет выдвинутая Гайдаром теория «двух демократий»: сложившихся на Западе (устойчивых, но склеротичных, замедляющих развитие) и появившихся после краха социализма (нестабильных, но зато имеющих шанс не копировать застойные институты старых западных демократий). Эта теория, со всей очевидностью вытекающая из его концепции преимуществ ранней институциональной адаптации, большей частью, подтвердилась практикой. Правда, это стало ясно уже после кризиса 2008–2009 гг.

Во-первых, действительно, новые демократии оказались в целом жизнеспособнее старых (достаточно сравнить посткризисную ситуацию в странах Балтии и на юге Европы, где кризис фактически стал перманентным). Однако мнение Гайдара о том, что при импорте стабильных европейских институтов восточноевропейские страны импортируют и их ригидность, подтвердилось не везде и не в полной мере. Вместе с тем нельзя отрицать,

⁴⁴ Будущее России Лал связывает с «хорошим царем». «Если из-за своих космологических представлений Россия предрасположена к той или иной форме “царизма”, остается лишь надеяться, что вскоре ее возглавит “добрый царь”, который воплотит в жизнь ... принципы классического экономического либерализма» (Лал, 2009: 11). Этой веры в либерального царя (русского Пиночета) очень долго придерживались и российские реформаторы; экс-советник президента РФ Илларионов даже рекомендовал Путину читать романы Айн Рэнд (Belton, 2000).

⁴⁵ «Авторитарный режим при всей его нелегитимности — функционирующая власть. На улицах есть полиция, поддерживающая порядок; если страна относительно развитая, то дети ходят в школу, в больнице можно получить медицинскую помощь. Тем, кто не пережил крах авторитарных режимов, трудно понять, что их конец означает крах институтов, обеспечивающих хоть какой-то закон и порядок» (Гайдар, 2006: 78).

что такой «импорт» действительно имел место и, кроме того, сохраняется реальная опасность его продолжения в будущем.

Во-вторых, практически полностью сбылось все то, что Гайдар говорил по поводу неустойчивости и хрупкости новых демократий. Свобода обязательств перед ЕС обернулась и свободой от демократии для крупнейших стран бывшего СССР. Последней в сообществе автократий устремилась Украина⁴⁶. Из стран бывшего СССР, не вошедших в ЕС, лишь Молдова отнесена в данном рейтинге к категории «ущербных демократий» и занимает 64-е место. Грузия расположилась на 102-м месте, Армения — на 111-м; обе — в категории «гибридных режимов» (Democracy Index 2011, 2011).

В-третьих, грузинское «экономическое чудо» показало, что перед бывшими социалистическими странами, не связанными обязательствами унификации из-за вступления в ЕС, с одной стороны, и не скатившимися в ловушку авторитарно-клептократических режимов — с другой, действительно открываются наилучшие перспективы для экономической свободы⁴⁷.

Говоря о «новых» и «старых» демократиях, следует заметить, что в новых демократиях политическая свобода не привела к угнетению экономических свобод. Об этом свидетельствует, например, реакция на кризис новичков ЕС, особенно балтийских стран. Шведский экономист Ослунд пришел к выводу, что новички выигрывают экономическое соревнование у старых членов ЕС⁴⁸. По сути, не они должны учиться у старожил, а наоборот.

⁴⁶ В глобальном рейтинге демократии EIU на декабрь 2011 г. Украина поставлена неожиданно высоко (видимо, сохраняется еще очарование от «оранжевой революции»): она занимает 79-е место и относится к «гибридным режимам», хотя и потеряла по сравнению с 2010 г. 14 мест и выпала из более высокой категории «ущербной демократии» (*flawed democracy*). Впрочем, в 2012 г. у нее есть все шансы значительно приблизиться к России, которая в рейтинге 2011 г. заняла 117-е место и, потеряв 10 мест, впервые отнесена в группу «авторитарные режимы» (Democracy Index 2010, 2010; Democracy Index 2011, 2011).

⁴⁷ 9-е место по легкости ведения бизнеса Грузии из 185 стран мира в докладе Всемирного банка «Ведение бизнеса 2013» по сравнению с 100-м местом в Докладе 2006 г. свидетельствует о ее фантастическом прорыве к экономической свободе. Грузия является мировым лидером прогресса в этом рейтинге: 35 институциональных реформ и реформ в сфере регулирования с 2005 г. (Doing Business 2006, 2006; Doing Business 2013, 2012)

⁴⁸ «Ирония заключается в том, что, поскольку ЕС относился к своим новым членам, как странам второго сорта, им пришлось проводить более ответственную фискальную политику, чем странам-ветеранам союза. Таким образом, они постепенно догоняют или даже обгоняют западноевропейские страны сначала по качественным показателям, а затем и по благосостоянию. Последние станут первыми» (Ослунд, 2011: 30).

«Страны Восточной Европы больше не будут сидеть на последнем ряду в классе — отныне их экономическая политика станет образцом для всего континента» (Ослунд, 2011: 205).

Чем же подтверждается столь высокая их оценка? Прежде всего, уже отмеченной Ослундом фискальной ответственностью. Во время кризиса все 10 стран Центральной и Восточной Европы энергично сокращали государственные расходы, но особо выделялись три страны Балтии, сократившие в 2009 г. дефицит бюджета на 8–10 % ВВП (Там же: 189).

Полной неожиданностью явилась способность стран Балтии сохранить твердую привязку своих валют к евро, несмотря на кризис (а Эстония даже перешла на евро с 2011 г.). Большинство экономистов по опыту предшествовавших финансовых кризисов предсказывали резкую девальвацию их национальных валют. По пути девальвации пошла Польша, сумев в результате повысить конкурентоспособность отечественных производителей ради выправления платежного баланса. Балтийские же страны пошли в решении проблемы отрицательного платежного баланса по принципиально иному пути — по пути т. н. «внутренней девальвации»: были радикально сокращены государственные расходы. Например, снижение зарплаты госслужащих достигало 35 % (Там же: 201).

Особенностью стран Балтии была национальная консолидация вокруг финансовой стабилизации. Предсказывали массовые протесты, наподобие греческих, но таковых и близко не наблюдалось. Разгадка этой «тайны» кроется в том, что недавно вырвавшиеся из цепких «объятий» СССР граждане балтийских стран очень высоко ценят свой национальный суверенитет. Они опасались, что финансовый кризис его подорвет, и были готовы принять меры жесткой экономии ради его сохранения (Там же: 158).

Ослунд в итоге приходит к парадоксальным на первый взгляд, но на самом деле вполне логичным выводам относительно роли политической системы в преодолении кризисов. Парламентские демократии с коалиционными правительствами и частой их сменой в реальности не слабость, а преимущество. В период кризиса открывалась возможность осуществлять постоянный отбор наиболее приспособленных к жесткой макроэкономической политике руководителей. Поэтому стабильное однопартийное правительство в кризисное время не желательно (располагавшая таковым Венгрия была, пожалуй, единственной страной региона Центральной и Восточной Европы, провалившей макроэкономическую стабилизацию), а еще худшая форма стабильности — неизменный президентский мандат. В случае же парламентских демократий, «чтобы получить компетентное правительство... не нужно дожидаться президентских выборов» (Там же: 202).

И наконец, снова обратимся к Грузии, ибо ее история прекрасно иллюстрирует как отмеченные Гайдаром выгоды от отсутствия опеки Брюсселя,

так и опасности заимствования неэффективных институтов в процессе сотрудничества с ним. Одним из наиболее радикальных либеральных шагов грузинских реформ явилось упразднение в 2004 г. антимонопольной службы и инспекции цен и создание на их месте Агентства по свободной торговле и конкуренции. Целью этого Агентства было противодействие тем постановлениям, которые создают тепличные условия для отдельных субъектов бизнеса. Результаты оказались положительные: расширилась свобода бизнеса и одним «цербером» стало меньше — бизнес освободился от законодательно установленного «рэкета» со стороны государства (Бурлакова, 2011: 162–173).

В то же время условием подписания соглашения о свободе торговли с ЕС, к которому стремится Грузия, является, как это ни абсурдно с точки зрения поощрения свободной торговли, создание отвечающей европейским требованиям антимонопольной службы. Из-за этого в 2010 г. в парламент Грузии был внесен законопроект о формировании специального антимонопольного органа, который фактически будет выполнять функции суда и принимать решения о злоупотреблениях. Более того, по причине европейского давления не работает, как замышлялось, и Агентство по свободной торговле: оно должно было раз в год предоставлять на обсуждение правительства доклад о регулирующих органах, но ни разу этого не сделало (Там же: 172–173).

Описанная «грузинская история» — далеко не уникальный случай. О том, как в свободный рынок вторгся ЕС, пишет, например, либеральный литовский экономист Леонтьева: «К 2001 году мы по праву гордились тем, что деньги в экономике движутся согласно частным приоритетам, влияние государства все более ограничено, субсидии почти изжиты из бюджета и, что еще важнее, из менталитета. Экономический успех связывался с успехом на рынке, с лучшим служением потребителю. Позором стало требовать государственных субсидий или же их обещать» (Леонтьева, 2011).

Все резко изменилось к худшему после присоединения Литвы к Евросоюзу. Волна субсидий, льготных кредитов захлестнула небольшую страну. «Именно подорванные принципы можно считать наиболее губительным влиянием ЕС. Слишком многие связывают свой успех и достаток с получением европейского кредита или субсидии. Идеалы свободы, в том числе и экономической, променяли на доступ к корыту» (Там же).

Демократия и экономический либерализм или демократия или экономический либерализм — это две постановки вопроса, которые чаще всего оказываются предметом для дискуссий в современной политической экономике. И вряд ли эта дискуссия скоро закончится безоговорочным торжеством одной из них. Линия Лала и линия Сена находят как поддерживающие, так и опровергающие их аргументы. Представляется, что Гайдару линия Сена была гораздо ближе, но при этом он не мог не замечать и провалов совре-

менной демократии и не писать о них. Кроме того, его внимание, что вполне закономерно, больше привлекали не столько глобальные проблемы сами по себе, сколько Россия в контексте этих глобальных проблем.

Россия: между Востоком и Западом

Продолжая разговор о демократии, автократии и развитии, вернемся к выбору России. В совместной с Чубайсом книге «Развилки новейшей истории России» Гайдар указал на следующую стоящую перед страной альтернативу: «...или ужесточение политического контроля, репрессий против несогласных, контроль за малотиражными СМИ, или постепенная демократизация режима, восстановление системы сдержек и противовесов во власти, свобода прессы, реальный федерализм» (Гайдар, Чубайс: 2011: 165). В этой связи есть смысл обратиться к дальнейшему исследованию его научного творчества, и в первую очередь к книге «Государство и эволюция», в которой дан замечательный институциональный анализ российской истории.

В публикуемых в мире работах по новой институциональной экономической истории досоветской России отводится совсем немного места. Большее внимания удостоился СССР, однако понять его природу невозможно без рассмотрения основополагающих особенностей российской цивилизации. Примером такого непонимания может служить интерпретация советского строя известными представителями виргинской политической экономии как более позднего аналога западного меркантилизма⁴⁹. Очевидно стремление западных авторов найти подобие чего-то им знакомого и хорошо изученного, но вряд ли этот подход поможет выявить реальное положение дел.

Нельзя, конечно, не признать глубину анализа Олсона, когда он описывает главные несущие конструкции сталинской системы или же показывает механизм последующего упадка социализма (Olson, 2000: 111–154). В то же время и он не ставит вопроса о происхождении социализма, не берется за поиск его корней в российской истории. С еще большим основанием это же можно сказать и о нортовском описании взлета и падения Советского Союза (Норт, 2010: 209–222). Обращение к историческим истокам не характерно и для такого известного исследователя социализма, как Корнай⁵⁰. Специалист

⁴⁹ «Советская экономика была современной версией меркантилистских экономик, типичных для Европы XVI и XVII столетий. Подобно этим предшествующим инкарнациям, советская экономика представляла рынок, сильно ограниченный гарантированными государством монополиями» (Anderson, Voetke, 1997: 50).

⁵⁰ В своей фундаментальной работе «Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма» он перечисляет некоторые основные свойства, общие для социально-политико-экономических систем, предшествовавших социализму. И далее

по экономической истории Грегори также никак не связывает сталинский социализм с укорененностью его прототипов в российском прошлом (Грегори, 2006). При чтении этих работ создается впечатление, что социализм берется из ниоткуда и исчезает без следа.

Самые бескомпромиссные и последовательные критики социализма в лице лучших представителей австрийской экономической школы исходили из того, что те или иные общественные состояния есть продукт мира идей, превратившихся в господствующее общественное мнение. Например, в полемике с британским историком Тойнби Мизес утверждал: «В “теле” цивилизации невозможно обнаружить никаких сил, которые не были бы результатом их специфических идеологий» (Мизес, 2007: 202). Отсюда вытекает то решающее значение, которое он придавал целенаправленному формированию «антикапиталистической ментальности» для зарождения всех видов социализма⁵¹.

В этом же духе рассуждает и Уэрта де Сото. С одной стороны, он признает, что «иногда происхождение институциональной атаки социализма на человеческую деятельность может восходить к традиции или истории, как, например, в некоторых докапиталистических обществах с кастовой системой» (Уэрта де Сото, 2008: 99). Однако социализм как современный феномен он рассматривает как институциональные ограничения и вмешательство в свободную человеческую деятельность, вытекающие из *сознательного* желания улучшить процесс социальной координации или достичь определенных целей (Там же).

Австрийская школа, правомерно подчеркивая важнейшую роль идей и общественного мнения, все-таки, на наш взгляд, уходит от ответа на главный вопрос: почему одни и те же идеи воплощаются в жизнь в одном обществе и оказываются нереализованными в другом? И здесь не остается ничего другого, как признать, что идеи, как долгоживущий и медленно меняющийся феномен⁵², играют решающую роль в том, что современная

ограничивается следующей фразой: «Унаследованная отсталость и другие свойства исходного состояния оставили глубокий след на формах социализма, укоренившихся в Советском Союзе, Китае и других странах, вставших на социалистический путь развития в основном в результате действия внутренних сил» (Корнаи, 2000: 52). Но ведь проблема как раз и заключается в том, чтобы объяснить появление социализма «свойствами исходного состояния». Слова же об «унаследованной отсталости» вообще ничего не проясняют, поскольку, во-первых, отсталость наблюдалась не только в этих странах, а, во-вторых, само понятие «отсталость» требует конкретизации.

⁵¹ О взглядах Мизеса и австрийской школы на историю см.: Заостровцев, 2011б.

⁵² Это признавал и Мизес: «Экономисты всегда отдавали себе отчет в том, что эволюция идей — медленный, требующий много времени процесс» (Мизес, 2007: 194).

институциональная теория называет «эффектом колеи» (*path dependency*). Норт определяет «эффект колеи» и как «способ, при помощи которого институты и убеждения, сформированные в прошлом, влияют на нынешние решения...» (Норт, 2010: 39)⁵³.

Из экономистов примерно такой методологической схемы в объяснении истории России придерживается известный нам Лал. Он обратился к давним различиям космологических представлений Востока и Запада и очень четко сформулировал главное несходство между греческой и латинской ветвями христианства: «Если папская революция латинской церкви стремилась отдать и Богово, и кесарево Богу, то ее греческая сестра согласилась с тем, чтобы предоставить и кесарево, и Богово кесарю» (Лал, 2007: 117–118). Если латинская церковь обожествляла саму себя, то греческая — светскую власть. Историки именуют эту установку восточного христианства «цезарепапизмом». Лал замечает, что разрыв с латинской церковью означал недоступность результатов папских революций для России⁵⁴ и, как следствие, ее «подозрительность» к Западу.

В то же время, по нашему мнению, среди западных исследователей наилучшее институциональное объяснение провалов российской истории принадлежит не экономистам, а историку Пайпсу. В особенности стоит выделить его упор на теорию прав собственности в объяснении отличительных черт истории России при сравнении ее с историей европейской, и прежде всего английской⁵⁵. Однако надо признать, что российские исследователи достигли большего, чем западные, если речь идет об интерпретации исторического пути России и вытекающих из него объяснений особенностей дня сегодняшнего⁵⁶. И одним из первых здесь был Гайдар, опередивший своей

⁵³ При этом он, как и Мизес, подчеркивает, что именно идеи «являются фундаментальной движущей силой человеческого состояния» (Норт, 2010: 34).

⁵⁴ Лал выводит происхождение прорыва Западной цивилизации к условиям, сделавшим возможным современный экономический рост, из революции в семейных отношениях папы Григория I (Великого) и революции в экономико-правовых отношениях папы Григория VII. Первая породила индивидуализм, ставший основой предприимчивости, вторая — благоприятную институциональную среду для становления рыночной экономики (Лал, 2007).

⁵⁵ «Отсутствие собственности на землю лишило Россию всех тех рычагов, с помощью которых англичане добились ограничения власти своих королей» (Пайпс, 2001: 211).

⁵⁶ В особенности это заметно, когда речь идет о влиянии культуры на состояние общества и его историческую динамику, модернизацию. Например, Инглхарт и Вельцель просто фиксируют наличие ряда российских парадоксов: очень высокое место секулярно-рациональных ценностей, свойственных для развитых рыночных экономик, и одновременно едва ли не самое низкое место в мире среди обследованных

книгой «Государство и эволюция» выход в свет книги Пайпса в США на пять лет.

Гайдар начинает с выделения двух цивилизаций. В основу его рассуждений положены отношения власти и собственности, их разделение в Западной цивилизации и слияние в Восточной. Конечно, такой подход — не новость, тем более что практически все, кто его придерживаются, не забывают процитировать знаменитые слова Маркса об «азиатском способе производства» (Гайдар здесь — не исключение). Более того, достаточно вспомнить о левой традиции в западной общественной мысли, которая уделяла большое внимание рассмотрению альтернативных рыночным организаций хозяйственной жизни. В первую очередь речь может идти о работах Поляни, идеи которого некоторые российские исследователи активно используют в качестве теоретической базы для объяснения специфики российской общественной системы (Кирдина, 2001; Бессонова, 2006).

В отличие от них, Гайдар не обращался к Поляни и уж тем более никогда, подобно ему и его последователям, не идеализировал нерыночные общества. В своих построениях он опирался на работы российского историка и востоковеда Васильева, сформулировавшего ряд ключевых положений (о феномене «власти-собственности», династических циклах и пр.). Особое значение в творчестве Васильева, по всей видимости, имело, во-первых, совершенно однозначное отнесение им реального социализма к цивилизациям восточного типа⁵⁷. Во-вторых, причисление к тому же типу и дореволюционной России, несмотря на ее известную близость к Европе⁵⁸.

стран по значимости ценностей самовыражения; наименьший уровень поддержки демократии, уступающий даже Пакистану (Инглхарт, Вельцель, 2011: 91, 381). В то же время ряд российских авторов (Пелипенко, Давыдов, Клямкин, Тихонова, Яковенко), на наш взгляд, дают довольно убедительные, хотя и различающиеся между собой, объяснения этим парадоксам, обращаясь к культурно-историческим корням России (Куда ведет кризис культуры? 2011).

⁵⁷ Впервые Васильев смог открыто сформулировать это положение в 1990 г.: «То, что ныне обычно именуют командно-административной системой и что на деле генетически восходит к классическому государственному («азиатскому») способу производства...» (Васильев, 1990: 26). Впоследствии он высказывался по этому предмету более определенно: «Марксистский коммунизм с его командно-административно-редистрибутивной системой — копия традиционного Востока. Новая и сильно модифицированная, с развитой индустрией (особенно военной) и наукой, специфической идеологией и политической мощью, но все же именно копия» (Васильев, 2000: 108).

⁵⁸ «Можно сказать, что из всего неевропейского мира Россия в силу ряда причин была наиболее европейским обществом. Оттого и казалось, что еще немного — и она станет вровень с Европой. Однако это “немногое” было на деле достаточно многим,

«Запад» — это частно-правовое общество. Власть и собственность разделены, собственность обладает независимой от власти легитимностью в качестве важнейшего института. Что же тогда есть «Восток», восточная деспотия? Там собственность происходит от власти, есть атрибут власти. Власть первична по отношению к собственности, а собственность производна от власти. Гайдар очень кратко, но емко сформулировал положение собственности по отношению к власти в таких социумах: «Собственность есть вечная добыча власти» (Гайдар, 2009: 190).

Важным его вкладом в институциональную экономическую историю стало описание этапов династических циклов через рассмотрение изменений отношений в системе «власть–собственность». Первый этап — становление и подчинение — это формирование централизованного порядка, его экспансия на основе отношений «власть–собственность». Так сказать, рождение империи, становление династии.

Второй этап — уже укрепившаяся династия, укрепившаяся империя. Она производит интенсификацию эксплуатации. Имперская бюрократия ускоряет конвертацию власти в личное богатство и потребление.

В результате развития этого процесса второй этап цикла перерастает в третий этап — истощение, а потом и крах. Здесь приватизация государства подрывает его финансовую базу, сокращаются возможности принуждения, растет неповиновение. Гайдар пишет: «Истощенное — государственныхниками — государство в конце концов рушится» (Там же: 193). Государственники, как червь яблоко, «изъедают» государство изнутри, остается оболочка, которая достается либо внешним врагам, либо происходят внутренние перевороты и цикл начинается снова.

Восточный цикл — это тупиковое явление. В период укрепления империи предприниматель находится под прессом бюрократии, сталкивается с постоянным риском конфискации: поскольку собственность есть атрибут власти, то, «получив власть, спешат захватить эквивалентную чину собственности» (Там же: 191)⁵⁹. В результате отсутствуют действенные стимулы для производственной, экономической деятельности⁶⁰.

ибо корнями уходило в восточного типа азиатско-государственную структуру» (Васильев, 1990: 16).

⁵⁹ «Весь смысл восточной чиновничьей приватизации только в том, чтобы в рамках существующей системы, сохраняя нераздельность власти и собственности при доминировании первой, насытить непомерные аппетиты носителей власти» (Гайдар, 2009: 192).

⁶⁰ В прочитанной 19 ноября 2009 г. (менее чем за месяц до смерти) публичной лекции на интернет-сайте polit.ru, Гайдар очень кратко охарактеризовал суть своей работы «Государство и эволюция» следующим образом: «Она о том, что разделение

Во времена же распада империи предприниматель страдает от хаоса, разбоя, отсутствия каких-то, пусть даже самых минимальных, гарантий. «В период своей мощи восточная деспотия опасна, а при ослаблении невыносима» (Там же: 193). Историческое движение восточных цивилизаций происходит между очень плохим и ужасным.

Что такое смута в этих циклах? Это граница между двумя династическими циклами. Она характеризуется радикальной деинституционализацией. Крах установлений социального порядка — это ближе к анархии, гоббсовским джунглям. Всем известна знаменитая работа английского философа Гоббса «Левиафан». Он ратовал в ней за то, чтобы «отдаться» любому деспотическому государству, ежели оно обеспечивает минимальный порядок, поскольку лично наблюдал ужасы английской революции, и ему казалось, что ничего более страшного нет. Действительно, это был один из самых тяжелых периодов в истории Англии.

Однако с точки зрения истории Китая таковой и ему подобные периоды, включая Смутное время в России в начале XVII в. или период гражданской войны (1917–1921 гг.) после краха империи Романовых, это не невиданные катастрофы, а органическая часть династического цикла. В XX веке самым длинным периодом деинституционализации, т. е. смуты, считается отрезок китайской истории в 38 лет (1911–1949 гг.). К месту вспомнить знаменитое китайское проклятие: «Чтоб ты жил в эпоху перемен!».

Гайдар, в сущности, повторяет Гоббса, когда пишет, что жизнь во время смуты непривычно тяжела и опасна (у Гоббса она является «одинокой, бедной, беспроектной, тупой и кратковременной»). Отсюда и мечты о восстановлении старого порядка. «Люди забывают, как ненавидели сборщиков налогов, завидовали привилегиям вышестоящих сословий. Они помнят лишь о том, что раньше был порядок» (Гайдар, 2009: 24).

Гайдар выдвинул оригинальную гипотезу, предлагающую разграничивать смуту и революцию. Смута (в его интерпретации) — это не революция. Важнейшая характерная черта, которая отличает смуту в аграрных обществах от революции, состоит в том, что она заканчивается восстановлением традиционных институтов, а в ходе революции укореняются новые, изменяются основы общественного устройства. То есть смуты, с известной модификацией, но возрождают старое традиционное общество на новом витке, а революции заканчиваются радикальным общественным переустройством (Там же: 36)⁶¹.

власти и собственности — это важнейшая предпосылка долгосрочного устойчивого экономического роста» (Лекция Егора Гайдара, 10.12.2009). Иначе говоря, о несовместимости феномена власти–собственности с современным экономическим ростом.

⁶¹ Справедливости ради надо сказать, что в России приоритет в экономическом исследовании революций принадлежит Мау и Стародубровской (Мау, 2000;

В процессе анализа смут впервые была поставлена проблема краха институтов⁶². О том, что это — новое, нестандартное поле исследования, писал сам автор работы о смутах и институтах: «...бросается в глаза почти полное отсутствие у последователей институциональной школы серьезных работ, посвященных не эволюции институтов, а их краху в период смут и революций» (Там же: 7). Удалось ли ему заполнить этот вакуум?

Надо сказать, что был выделен «ключевой институт — монополия государства на применение насилия» (Там же: 39). Было показано, что крах этого института — источник краха всех прочих институтов: «При безвластии понятие собственности теряет смысл» (Там же: 69)⁶³. И в целом слово «насилие» неоднократно фигурировало у Гайдара в связи с рассмотрением различных аспектов социальных потрясений. Если таковые проявляют себя как смута, то насилие «выскальзывает» из рук государства, монополия на него утрачивается и его бесконтрольность оборачивается кошмаром для общества: «Смута — социальная болезнь, сопоставимая по последствиям с голодом, крупномасштабными эпидемиями, войнами» (Там же: 13).

Стародубровская, Мау, 2004). В одной из последних своих работ Мау определяет революцию как системную трансформацию в условиях коллапса государства (Мау, 2010: 10). Что же касается Гайдара, то его суждение требует дополнительных пояснений и исторических иллюстраций. Основная проблема в том, что считать «радикальным общественным переустройством», а что — «возрождением старого традиционного общества на новом витке». Из дальнейших его рассуждений о России после 1917 г. можно заключить, что события 1917–1921 гг. он относит скорее к смуте, чем к революции. Однако поворот России к рыночной экономике в результате событий на рубеже 1980–1990-х гг. однозначно определяется как революция (Гайдар, 2005: 365). Последняя авторская интерпретация разграничения смут и революций была озвучена следующим образом: «Для меня революция — это подтип смут. Смута — это всегда крах институтов прошлого режима» (Лекция Егора Гайдара 10.12.2009). В то же время и сам он признавал: «...общепринятого определения смуты, как и общепринятого определения революции не существует. Поэтому мы употребляем эти слова достаточно условно» (Там же).

⁶² «Смуты — это как революции, это ситуации, при которых режим вдруг рушится. За ним рушатся все его институты, а для создания новых институтов требуются годы, иногда и десятилетия. Тогда наступает длинный период деинституализации, со свойственными этому периоду очень тяжелыми, а иногда опасными и кровавыми последствиями» (Лекция Егора Гайдара 10.12.2009).

⁶³ «Для решения споров о земле есть устоявшиеся механизмы: община, суд. Все это работает до тех пор, пока государство сохраняет монополию на применение насилия. Когда ее нет, система обеспечения правопорядка, судопроизводство парализованы. Массовыми становятся грабежи, самозахваты земли, ее переделы. Само понятие собственности становится размытым, условным» (Гайдар, 2009: 42).

Казалось бы, насилие — это не та сторона человеческих отношений, на которой должен сосредоточивать свое внимание экономист. Однако если мы обратимся к Норт и его соавторам, то убедимся, что Гайдар одновременно с ними увидел решающее значение изучения насилия, когда экономист обращается к описанию исторического процесса. «Основной проблемой нашего исследования, — пишут Норт, Уоллис и Вайнгаст, — является *организованное насилие*; использование насилия или угроз применения насилия» (Норт и др., 2011: 57).

При этом именно в контроле над насилием заключается историческая миссия естественных государств или порядков ограниченного доступа⁶⁴. Возникнув, такое государство «фактически стало единственной формой устройства, которое в состоянии обеспечивать материальный порядок и управлять насилием» (Там же: 83–84). Возможно, именно поэтому возвращение государства, даже столь диктаторского, каковым оно было в России начала 1920-х гг., было воспринято с облегчением после 4-летней смуты⁶⁵.

Гайдар отмечал, что Россия в XX в. пережила два периода радикальной деинституционализации: в 1917–1921 гг. и на рубеже конца 1980-х — начала 1990-х гг. (Гайдар 2009: 15). Он подробно (можно сказать, детально) описал крах государственных институтов советской империи, несколько менее подробно — империи российской. В то же время вакуум государственных институтов не означал институциональную пустоту вообще. Институты рынка работали лучше, чем продрозверстка или карточная система. «Не умереть с голоду позволяло мешочничество — поездки горожан в деревню для обмена вещей на продовольствие» (Там же: 91). Еще более заметным было рыночное заполнение распавшихся государственных институтов в период второй деинституционализации.

С чем же связан тот факт, что первая деинституционализация сопровождалась гражданской войной, а вторая прошла на удивление мирно? И здесь Гайдар, на наш взгляд, очень точно схватывает суть вещей. Подобно Мизесу, он уделяет первостепенное значение доминирующим представлениям

⁶⁴ Напомним, что, согласно Норт и его соавторам, порядок ограниченного доступа (= естественное государство) есть продукт того, что они называют «первой социальной революцией», причем «многие современные общества остаются естественными государствами» (Норт и др., 2011: 41).

⁶⁵ «Разительный контраст... с ужасом, пережитым в предшествующие годы, часть общества связывала с новой властью. Это обеспечивало ей если не любовь и поддержку, то, по меньшей мере, лояльность населения» (Гайдар, 2009: 113). В терминологии Норта и его соавторов, восстановление порядка после Гражданской войны можно рассматривать как переход от хрупкого естественного государства к базисному.

(«духу времени»), хотя в целом он, как известно, придерживается материалистической трактовки исторических изменений (Гайдар, Мау, 2004б: 34–35; Гайдар, 2005: 76–78). В 1917 г. доминировало представление, что усиление государственного влияния на экономическую жизнь — благо, тогда как осенью 1991 г. убеждение о благотворности государственного регулирования и о способности государственных органов эффективно решать встающие перед страной проблемы было подорвано (Гайдар, 2009: 133–134). В первом случае ответом на продовольственный кризис явилось тотальное насилие в форме продразверстки и запрета частной торговли; во втором, напротив, — либерализация экономических отношений и провозглашение свободы торговли.

В то же время как бы не был важен разворот России лицом к рынку в начале 1990-х гг., мог ли он «выдернуть» Россию из восточной цивилизации? Или же он создал лишь временную флуктуацию, принципиально не изменившую ее статус?

У Гайдара есть хорошее выражение, что фактически Россия ворвалась в Азию, в Сибирь лишь в XVI в., но Азия ворвалась в Россию, обосновалась в ней на 300 лет раньше. «Если в культурном и идеологическом отношении превалировало влияние Запада, то экономическая и политическая структуры в значительной мере могли быть отнесены к разряду восточных обществ» (Там же: 215).

В «Долгом времени» уже ничего не говорится о культурном и идеологическом превалировании влияния Запада. При обращении к исторической судьбе России указывается на развилку, с которыми сталкивалась страна, и соответственно на дороги, которые она выбирала.

Во-первых, восточное христианство. «Византийский выбор» привел ее к изоляции от Западной Европы⁶⁶.

«Россия оказалась культурно, религиозно, политически и идеологически отдаленной от того центра инноваций, которым во все большей степени становилась Западная Европа, воспринимает ее и сама воспринимается ею как нечто чуждое, инородное. Следствие — нарастающее ограничение культурного обмена, возможностей заимствования нововведений, подозрительность, изоляционизм» (Там же: 264).

Во-вторых, монгольское влияние.

«Долгое подчинение Орде, зависимость от нее и взаимодействие с ней во многом определили отрыв России от основных тенденций культурного

⁶⁶ Приводимая ниже цитата показывает удивительное сходство точки зрения Гайдара с точкой зрения Лала (см. выше) на природу отставания России от Европы.

и институционального развития Европы. Господствовавшие в XV–XVI вв. представления о всевластии российского государя и безграничности его прав, о подданных-холопах носят вполне восточный характер и обнаруживают мало следов европейского институционального наследия домонгольской эпохи» (Там же: 269).

Все вышесказанное позволяет утверждать, что Гайдар явно ближе к Пайпсу⁶⁷, чем к Янову, который в своей трилогии «Россия и Европа. 1462–1921» пытается обосновать, что Россия в 1480–1560 гг. переживала некое «европейское столетие» (Янов, 2008)⁶⁸.

Гайдар писал о России как об обществе, раздавленном государством (прекрасное определение восточной деспотии). Это общество характеризуется тремя чертами. Во-первых, «имперской ловушкой»: «Россия попала в плен, в “колонию”, в заложники к военно-имперской системе, которая выступала перед коленопреклоненной страной как ее вечный благодетель и спаситель от внешней угрозы, как гарант существования нации» (Гайдар, 2009: 217). Данный факт недооценивается многими авторами, пишущими о проблемах России, ее трансформации в «нормальную страну», в то время как он является едва ли не главным препятствием для таковой.

В том что Россия отождествляла себя с империей⁶⁹, а Польша воспринимала себя как ее вассал, Гайдар видит, например, главное различие между

⁶⁷ «...В условиях татаро-монгольского владычества шел естественный отбор, приводивший к тому, что наибольшая власть доставалась самым деспотичным князьям, теснее всего сотрудничавшим с завоевателями» (Пайпс, 2001: 220). «...Русские, безусловно, усвоили политические приемы и понятия монголов, ибо в роли монгольских порученцев они привыкли обращаться со своим народом как с побежденным, как с людьми, лишенными каких бы то ни было прав» (Там же).

⁶⁸ Шаткость концепции Янова более всего видна из того факта, что именно в 1480 г. Иван III разворачивает репрессии против покоренного незадолго до этого Новгорода (Карацуба и др., 2006: 103). Одной из главных причин покорения Новгорода Москвой было его стремление в Европу — под эгиду Польши ради спасения от постоянной московской агрессии. Неплохое начало «европейского столетия»!

⁶⁹ В работе «Гибель империи» дано следующее определение: «...под термином “империя” понимается мощное политическое государственное образование, в котором властные полномочия сосредоточены в метрополии, а демократические институты (если они существуют) — либо, по меньшей мере, избирательное право — не распространяются на всю подконтрольную территорию» (Гайдар, 2006: 8). Эта дефиниция заметно уже той, которую принимает, например, Лал, соглашаясь со следующей формулировкой: «...мультикультурные конгломераты, целостность которых поддерживается межнациональными организационными и культурными связями» (Цит. по: Лал, 2010: 20). Она позволяет, например, не только включить в

странами в период отхода от социализма: почему для России расставание с прошлым столь трудно, а в Польше оно прошло гораздо легче.

«Несхожесть ситуаций в России и Польше была не только в том, что в России период социалистического эксперимента был более длинным, а экономика была сильнее обременена военными расходами. Важно было иное: Россия воспринимала себя как центр империи, а Польша себя — как оккупированную страну. Для Польши крах восточно-европейской части российской империи был обретением желанной национальной независимости. Для России крушение Советского Союза было крахом империи, к тому же территориально интегрированной.

В Польше бывших коммунистов общество воспринимало как представителей оккупационного режима. Они не имели иного выбора, чем эволюция в сторону социал-демократии. В России коммунистические идеи были тесно связаны с имперским сознанием. Посткоммунистические политические силы стали позиционировать себя как наследников советских традиций» (Там же: 174)⁷⁰.

Вторая черта, которую выделяет Гайдар, — это *культ государства*. Здесь он пишет, что «само государство выступало как категория духовная, объект тщательно поддерживаемого культа — государственничества» (Там же: 217). «...Российское государство всегда насаждало единственную религию — нарциссический культ самого себя, культ “священного государства”. Так было и в эпоху официального православия, и в эпоху государственного атеизма» (Там же: 218). Эти слова невольно ассоциируются с введенным еще Мизесом термином — «государствопоклонство»⁷¹.

Советскую империю бывшие «страны соцлагеря», но и рассматривать современные США как разновидность империи.

⁷⁰ Сравнение с Польшей он использовал неоднократно. «Абсолютно очевидно, что для Польши национальная независимость была предметом мечтаний. Когда они обрели независимость, католическая церковь уговаривала своих прихожан поддерживать реформы, потому что это нужно для независимости Польши. У нас крах Советского Союза — это крах империи. А крах империи — это всегда травма». (Лекция Егора Гайдара 10.12.2009).

⁷¹ «Сегодня модная философия “государствопоклонства” сбива всех с толку. Политические конфликты больше не рассматриваются как столкновения между различными группами людей. В них видят войну двух принципов — добра и зла. Добро воплощено в великом боге Государстве, материализации нетленной идеи нравственности, а зло — в “грубом индивидуализме” эгоистичных людей. В этом противостоянии Государство всегда право, а индивиды — всегда не правы. Государство представляет общественное благо, справедливость, цивилизацию и высшую мудрость. Индивид — всегда лишь жалкий негодяй, порочный глупец» (Мизес, 1993: 62).

Очевидно, что государствовопклонство есть не что иное, как идеология оправдания государственного произвола, неограниченного самоуправления бюрократии. В этой связи Гайдар выделяет и третью черту — *государство, подавляющее саморазвитие*. «Саморазвитие государства подавляло саморазвитие страны, уродовало отношения собственности» (Гайдар, 2009: 218).

«В результате благодатная почва сложно структурированного общества с частной собственностью, с гарантией от произвола так и не сформировалась. Культ государства изуродовал сознание общества, породил в нем ряд тяжелых комплексов, которые мешают нам рационально, открытыми глазами видеть себя и мир даже сегодня» (Там же).

В истории дореволюционной России Гайдар видит такую ее главную беду, как нелегитимность частной собственности. Она не выростала, а создавалась по милости государства. В этом — коренное отличие России от Европы (Там же: 225). И здесь снова можно провести параллели с подходом Пайпса, который рассматривает Россию как патримониальное (в русской терминологии — «вотчинное») государство. «В таких государствах политическая власть мыслится и отправляется как продолжение права собственности, и властитель (властители) является одновременно и сувереном государства, и его собственником» (Пайпс, 1993: 11)⁷². И тут же он пишет: «В отличие от большинства историков, ищущих корни тоталитаризма XX века в западных идеях, я ищу их в российских институтах» (Там же: 10).

В них же искал корни тоталитаризма и Гайдар: «...ленинский “социализм” глубоко лежал в русле русской истории... Он представлял собой развитие одной из линий державной истории. Конечно, в российский организм Лениным был занесен вирус, но и сам организм был готов его воспринять» (Гайдар, 2009: 251). Для него социалистическая революция в России — не поворот к «новой цивилизации», а модификация старой, какой бы глубокой и всесторонней она не была. «Радикальнейшая в истории человечества революция ничуть не поколебала “медного всадника” русской истории. Имперски-государственнические идеалы вышли из огня революции только преображенными и усиленными» (Там же: 316).

⁷² О преимуществах и недостатках трактовки феномена «Русской власти» на основе концепции патримониализма см.: Олейник, 2011: 98–102. В то же время предлагаемые Олейником пять характеристик «Русской власти» (Там же: 102–110) вполне укладываются в русло традиции выделять ее как абсолютно доминирующее начало в российском социуме. Работа Гайдара «Государство и эволюция» отвечает ей в полной мере.

Что же касается наслоений Западной цивилизации в российском обществе, то, естественно, не отрицается их наличие и развитие до катастрофы 1917 г. Однако «Октябрьская революция кровью смыла, штыком соскоблела с карты России тонкий культурно-западный слой» (Там же: 251). Таким образом, корневая Восточная цивилизации, столкнувшись с вызовом чуждой ей Западной, в конце концов сумела от нее очиститься.

Конечно, рассуждая об источниках большевизма, Гайдар уделяет внимание и тем тенденциям, которые четко обозначились лишь в начале XX в.: монополизации экономики, ее милитаризации. Большая роль в постигшем Россию коллапсе отводится и Первой мировой войне.

Особо выделяются ленинские трактовки империализма. Дело в том, что «империализм в ленинской интерпретации — это не высшая ступень развития капиталистической социально-экономической системы, а, наоборот, ее редукция к таким структурам, от которых западное общество отделилось сотни лет назад (при сохранении, естественно, технологий XX века)» (Там же: 249).

Социалистическая революция вручает политическую власть коммунистам, которые доводят монополизацию экономики до логического конца: частная собственность не просто ограничивается, а полностью вытесняется. Это необходимо, чтобы «замкнуть уникальную цепь поистине универсальной, невиданной ранее диктатуры, чтобы достроить до логического совершенства восточную деспотию» (Там же: 252). В радикальном искоренении, юридической ликвидации и делегитимизации в сознании общества частной собственности заключается основа «тотальной, монолитной государственной политэкономической диктатуры» (Там же: 253). В этом Гайдар видит «четкий водораздел» между «империализмом» и «социализмом». Согласно ему, социализм — высшая (последняя) стадия «азиатского способа производства» (Там же).

Эта точка зрения на социализм XX в., представляющая его как откат назад в истории человечества, как в конечном счете разрушительную систему, имеет свои истоки в учении австрийской экономической школы. Мизес писал об этом еще в 1922 г.⁷³ Позиция Гайдара близка к концепции социализма как «промышленной контрреволюции» экономиста-либертарианца Линдси, под которой он понимает полную или частичную замену рынков и конкуренции централизованным регулированием. «Гений промышленной контрреволюции заключался не в способности найти компромисс между прогрессом и реакцией, а в ассимиляции продуктов прогресса и их использовании в ре-

⁷³ «На деле социализм ни в малейшей степени не является тем, на что претендует. Это — не открыватель нового и лучшего мира, но грабитель и разрушитель того, что накопили тысячелетия цивилизации» (Мизес, 1994, 292).

акционных целях» (Линдси, 2006: 47). «...Промышленная контрреволюция умудрилась оседлать разом и прогресс, и ностальгию по прошлому. Иными словами, она предложила программу “назад в будущее”» (Там же: 115)⁷⁴.

В принципе, Линдси удачно дополняет Гайдара в том, что делает упор и на «коварство» социализма: он восстанавливал азиатский способ производства (проваливался в прошлое с точки зрения институционального развития), обещая быть более эффективным и технически передовым, чем капитализм, который многие мыслители еще в XIX в. стали считать чем-то устаревшим и обреченным на скорое умирание. Если бы не упорное провозглашение себя «новым и высшим» способом производства, открывающим простор для невиданного ранее развития производительных сил, то вряд ли бы социализм стал столь притягательным и овладел умами миллионов не только в России.

Между тем вернемся к дальнейшим рассуждениям Гайдара, который рассматривает историческую эволюцию социализма через изменение отношений собственности. «Экспроприация частной собственности — государственно-бюрократическая собственность — частно-бюрократическая. Вот формула развития социалистического общества от рождения до гибели» (Гайдар, 2009: 260). Далее он описывает «большевистский термидор», когда в процессе эволюции социалистической системы стали вызывать и превалировать не коллективные, а частные интересы представителей номенклатуры.

Почему этот термидор не наступил раньше, когда его предвидел Троцкий, на которого часто ссылается Гайдар? Объяснение этому факту дается им довольно простое и весьма убедительное. До определенного момента номенклатура боялась внутреннего вызова своей безграничной власти. Когда же таковая опасность постепенно сошла на нет, то «инстинкты собственников, желание частной собственности для многих из них (представителей номенклатуры. — А.З.) стали настоящей манией, которую приходилось с трудом подавлять» (Там же: 269).

В то же время номенклатура не стремилась к свободному рыночному хозяйству. Она проводила на рубеже 1980–1990-х гг. то, что тогда же было названо «номенклатурной приватизацией». «Номенклатурный птенец проклевывается из твердой скорлупы — там ему тесно, но вне яйца — страшно»

⁷⁴ «В условиях духовного разлада и потери ориентиров коллективизм сулил избавление — возврат к стародавним ценностям деревенской жизни, к чувству общности и укорененности, утраченному в ходе индустриализации. От централизованного государства ждали спасения, а средство спасения видели в национализации экономической жизни» (Линдси, 2006: 154).

(Там же: 287)⁷⁵. Эта двойственность нашла свое отражение и в идеологическом конфликте. С одной стороны, — устаревшая марксистская риторика с ее нападками на частную собственность. С другой стороны, — государственничество. Оно наделяло высшим смыслом самодержавную власть государства и его чиновников (Гайдар, 2009: 277). Номенклатура была заинтересована в избавлении от марксистских догм, но сохранении государственничества. Зачем?

Государственничество в идеологии закрепляло власть-собственность на практике, но уже теперь не ту, которую Гайдар назвал «государственно-бюрократической», а ту, которую он определил как «частно-бюрократическую». С одной стороны, «нужно было, чтобы собственность в стране двигалась не под влиянием рыночных законов, а по-прежнему в магнитном поле власти» (Там же: 287). С другой стороны, нужно было научиться извлекать для себя денежные доходы из тех активов, которые притягивались к тем или иным бюрократам этим «магнитным полем». В идеале производство (расходы на производство и риск) должны были остаться общественными, а присвоение доходов стать частным⁷⁶. Номенклатура стремилась «сохранить основу государственно-монополистического капитализма, империализма» (Там же).

Золотым периодом такого капитализма Гайдар считает период 1988–1991 гг. Он сравнивает этот период с тем этапом династического цикла в восточной цивилизации, когда чиновники стремятся захватить соответствующую их чину собственность и, как паразиты, высасывают ее изнутри. «Такая приватизация всегда кончалась в восточных обществах одинаково: взрывом и новой диктатурой» (Там же: 293). Однако Россия в то время нашла иной выход — открытую приватизацию, которая характеризуется как «поворотное историческое дело, мирный, цивилизованный эквивалент революции» (Там же: 295).

Гайдар в тот период (напомним, что речь идет о 1994 г.) довольно оптимистично оценивал результаты приватизации. «Приватизация изменила юридические отношения собственности, размыла саму систему номенкла-

⁷⁵ Американский экономист русского происхождения Леонтьев, внимательно отслеживавший события горбачёвской перестройки, так описывал природу этого страха: «Эти руководители привыкли получать необходимое от своих поставщиков, а производимую продукцию в виде товаров или услуг передавать по месту назначения в количестве, указанном в плане, и теперь они не знают, как без такого плана найти поставщиков и потребителей. Научить их это делать так же сложно, как научить пингвинов летать» (Леонтьев, 1990: 16).

⁷⁶ Эта схема широко известна как приватизация доходов и обобществление убытков.

турно-бюрократического “рынка власти”. Произошла приватизация самой номенклатуры» (Там же: 301). Он полагал, что «если в течение нескольких лет соблюдается юридический принцип неприкосновенности частной собственности, то он переходит в стереотип поведения, интериоризируется, из юридического принципа превращается в социально-психологический» (Там же: 309).

В то же время Гайдар выражал серьезные опасения и видел уже тогда сильные тенденции к возрождению государственничества, которые в полную меру проявили себя в эпоху правления Путина. Он писал о симптомах нового «ледникового» периода. Отмечал перемену в настроениях многих чиновников, которые из «демократов» превратились в «государственников»⁷⁷. Подчеркивал настоятельную необходимость «секуляризации государства», отказа от «государственничества» как своего рода религии. Предлагал чисто рациональное, «западное» отношение к государству (Там же: 319).

Гайдар очень опасался возвращения к лжегосударственной экономике, когда фактически частные капиталы действуют под видом на правах государственных, к паразитическому империализму для высшего бюрократического сословия (Там же: 321–322). «Сильное» государство в привычном для России смысле сильно многочисленной и коррумпированной бюрократией. Уже тогда Гайдар именовал коррупцию «бюрократическим рэкетом» — явлением, которое расцвело в полной мере только с построением путинской вертикали власти. «Государство самоедское, — писал он о коррумпированной власти, — разрушает общество, подминает его под себя, разрушаясь в конечном счете и само» (Там же: 326).

Приводимый далее призыв Гайдара звучит сегодня более чем актуально, хотя и, возможно, слишком поздно. «Необходимо вынуть из живого тела страны стальной осколок старой системы. Эта система называлась поразному: самодержавие, интернационал-коммунизм, национал-большевизм, сегодня примеривает название “державность”. Но сущность всегда одна — корыстный, хищнический произвол бюрократии, прикрытый демагогией» (Там же: 328).

Пророчески сегодня звучат его слова о том, что «если страна войдет в очередной цикл приватизации власти, то закроет себе наглухо путь в “первый мир”» (Там же). Им был совершенно определенно обозначен выбор, перед которым стоит страна: «Смириться с очередной бюрократической приватизацией власти или наконец разорвать замкнутый круг и сделать необратимым разделение власти и собственности» (Там же).

⁷⁷ «Вчера они произносили “государство” с обязательным прилагательным “правовое”, сегодня соревнуются, кто выговорит “государство” с более звонкой медью в голосе» (Гайдар, 2009: 318).

В 2009 г., уже видя результаты первого восьмилетия президентства Путина, Гайдар указывал на два возможных сценария развития событий в России. Первый — это политическая реакция, ужесточение репрессий. Он говорил, что это — тупиковый путь, поскольку в конце его страну ожидает срыв в смуту⁷⁸.

Второй путь — «это мягкая, постепенная либерализация режима, то есть создание элементарных основ свободы слова на массовых каналах информации, восстановление системы разделения властей, установление системы сдержек и противовесов, восстановление реального федерализма, реальных выборов» (Лекция Егора Гайдара 10.12.2009). Он не считал его неосуществимым хотя бы потому, что это делалось во многих странах. Испания после Франко — не единственный, но самый очевидный такой пример (Там же).

Презентуя в ходе этой лекции свою книгу «Смута и институты», Гайдар сказал, что «она о том, почему не надо выбирать первый путь, а надо выбирать второй» (Там же). Вот только история не знает слова «надо». Хотеть можно многого, но достичь — только возможного.

Заключение

Выбирая между Востоком и Западом, Россия в XXI в. не пошла тем путем, на который рассчитывал Гайдар, поскольку он «видел своей главной целью превращение России в нормальную страну, в органическую часть западной цивилизации» (Мау, 2010: 5). Ей не удалось далеко продвинуться по пути формирования открытого общества, и, напротив, вскоре явно обозначился процесс отката к традиционно свойственной для нее неразделенности власти и собственности, сословным привилегиям бюрократии, демонстрирующей свою агрессивность по отношению к частному бизнесу и обществу.

В результате сегодня Россия — это страна с фиктивными (имитационными) институтами правового государства, произвольными переделами активов и возведенным в систему государственным рэкетом по отношению к бизнесу. Вместо многих слов для иллюстрации этого утверждения достаточно взглянуть на положение России в мире (из 144 оцененных государств) по состоянию ее институтов (таблица).

⁷⁸ «Проблемы с первым путем состоят в том, что вся система институтов может функционировать в устойчивом режиме, но иногда, непредсказуемо, она имеет обыкновение рушиться. Рушиться в течение двух-трех дней» (Лекция Егора Гайдара 10.12.2009).

Таблица
Состояние российских институтов в рамках оценки
глобальной конкурентоспособности

Индикатор	Ранг
Права собственности	133
Незаконные платежи и взятки	120
Независимость юстиции	122
Фаворитизм в решениях государственных чиновников	127
Прозрачность государственных политических решений	124
Бремя государственного регулирования	130
Надежность услуг полиции	133
Защита интересов миноритарных акционеров	140

Источник: The Global Competitiveness Report 2012–2013, 2012.

В итоге Россия оказалась страной с провалившимися институтами, абсолютно непригодными для современного инновационного экономического роста. Эффект «исторической колеи» подавил импульс к модернизации. Более того, страна начинает смещаться к хрупкому естественному государству (если использовать определение Норта и его соавторов) или к провалившемуся государству (*failed state*) в более привычной политологической терминологии. Гайдар называл это смутой. Такую опасность он предвидел, когда говорил о своей книге «Смуты и институты», что «это — не роман, а книга-предупреждение» (Лекция Егора Гайдара 10.12.2009).

Литература

- Аганбегян А. О* Е.Т. Гайдаре как выдающемся реформаторе и ученом // Экономическая политика. 2010. № 6. С. 23–31.
- Бессонова О.Э.* Раздаточная экономика России. Эволюция через трансформацию. М.: РОССПЭН, 2006.
- Бурлакова Л.А.* Почему у Грузии получилось? М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2011.
- Васильев Л.* Кризис социализма // Через тернии / Сост. А.А. Проташик. М.: Прогресс, 1990. С. 9–59.

Васильев Л.С. Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) // Альтернативные пути к цивилизации / Под ред. Н.Н. Крадина и др. М.: Логос, 2000. С. 96–114.

Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело, 2005.

Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006.

Гайдар Е.Т. Власть и собственность: Смуты и институты. Государство и эволюция. СПб.: Норма, 2009.

Гайдар Е.Т. Кризис и Россия // Российская экономика в 2009 году. Тенденции и перспективы. Вып. 31. М.: ИЭПП, 2010. С. 11–35.

Гайдар Е., Мау В. Марксизм: между научной теорией и «светской религией» (либеральная апология) // Вопросы экономики. 2004а. № 5. С. 4–27.

Гайдар Е., Мау В. Марксизм: между научной теорией и «светской религией» (либеральная апология) // Вопросы экономики. 2004б. № 6. С. 28–56.

Гайдар Е.Т., Чубайс А.Б. Развилки новейшей истории России. М.: ОГИ, 2011.

Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М.: РОССПЭН, 2006.

Дроздова Н. Новая институциональная экономическая история: понятийно-терминологический экскурс // Экономика и институты / Под ред. А.П. Заостровцева. СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2010. С. 255–269.

Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М.: Ладомир, 2004.

Заостровцев А.П. Егор Гайдар: экономический анализ краха государств // Экономика и общество / Под общ. ред. А.П. Заостровцева. СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2011а. — С. 44–52.

Заостровцев А.П. История и развитие: трактовка австрийской экономической школы. Препринт М-23/11. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011б.

Заостровцев А.П. Дипак Лал: модернизация без вестернизации. Препринт М-28/12. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012.

Зибер Х. Эффект кобры. Как можно избежать заблуждений в экономической политике. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2003.

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.

Капелюшников Р. QWERTY против DSK: методологические заметки // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М.: Изд. Дом ГУ–ВШЭ, 2006. С. 208–227

Каплан Б. Миф о рациональном избирателе: Почему демократии выбирают плохую политику? М.: ИРИСЭН, Мысль, 2012.

Карацуба И.В., Курукин И.В., Соколов Н.П. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от рюриковичей до олигархов. М.: КоЛибри, 2006.

Кирдина С.Г. Теория институциональных матриц и развитие России. Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 2001.

Корнаи Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2000.

Куда ведет кризис культуры? Опыт междисциплинарных диалогов / Под общ. ред. И.И. Клямкина. М.: Новое издательство, 2011.

Лал Д. Непреднамеренные последствия. Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты. М.: ИРИСЭН, 2007.

Лал Д. Возвращение «невидимой руки»: Актуальность классического либерализма в XXI веке. М.: Новое издательство, 2009.

Лал Д. Похвала империи: Глобализация и порядок. М.: Новое издательство, 2010.

Лекция Егора Гайдара 10.12.2009. Смуты и институты. URL: <http://www.polit.ru/article/2009/12/10/gaidar/>

Леонтьев В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. М.: Политиздат, 1990.

Леонтьева Е. Реки реформ. Реформа всеобщего эквивалента как лейтмотив экономических преобразований в Литве. 09.08.2011. URL: <http://www.inliberty.ru/library/study/3296>

Ли Куан Ю. Сингапурская история: из «третьего мира — в первый». М.: МГИМО—Университет МИД России, 2005.

Линдси Б. Глобализация: повторение пройденного. Неопределенное будущее глобального капитализма. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006.

Мау В.А. Политическая экономия революции: историко-экономический опыт // Истоки. Вып. 4. Редкол.: Я.И. Кузьминов (гл. ред.) и др. М.: Изд. Дом ГУ–ВШЭ, 2000. С. 272–342.

Мау В. Долгосрочные вызовы развития России и научное наследие Е.Т. Гайдара // Экономическая политика. 2010. № 6. С. 5–11.

Мау В., Яновский К., Жаворонков С., Маслов Д. Институциональные предпосылки современного экономического роста. М.: ИЭПП, 2007а.

Мау В., Яновский К., Вахромеев О. и др. Институты закрытых демократий: попытка сравнительного анализа. М.: ИЭПП, 2007б.

Мизес Л. фон. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М.: Дело, 1993.

Мизес Л. [фон] Социализм. Экономический и социологический анализ. М.: Catallaxy, 1994.

Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005.

Мизес Л. фон. Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции. Челябинск: Социум, 2007.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. Дом ГУ–ВШЭ, 2010.

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.

Норт Д., Уоллис Дж., Уэбб С., Вайнгаст Б. В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности // Вопросы экономики. 2012. № 3. С. 4–31.

Олейник А.Н. Власть и рынок: система социально-экономического господства в России «нулевых» годов. М.: РОССПЭН, 2011.

Ослунд А. И последние станут первыми: финансовый кризис в Восточной Европе. М.: Мысль, 2011.

Пайнс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993.

Пайнс Р. Собственность и свобода. М.: Московская школа политических исследований, 2001.

Расков Д. Институциональные исследования как будущее социальных наук // Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. С. 9–31.

Ротбард М. Власть и рынок: Государство и экономика. Челябинск: Социум, 2003.

Ротбард М. Предисловие // Мизес Л. фон. Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции. Челябинск: Социум, 2007. С. xi–xviii.

Сен А. Развитие как свобода. М.: Новое издательство, 2004.

Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции: от Кромвеля до Путина. М.: Вагриус, 2004.

Травин Д.Я. Гайдаровская реформа в трудах Гайдара: для чего же на самом деле отпускали цены? // Экономика и общество / Под общ. ред. А.П. Заостровцева. СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2011. С. 19–24.

Уэрта де Сото Х. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. М.: Челябинск: ИРИСЭН: Социум, 2008.

Уэрта де Сото Х. Социально-экономическая теория динамической эффективности. Челябинск: Социум, 2011.

Хайек Ф.А. фон. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М.: ИРИСЭН, 2006.

Хелпман Э. Загадка экономического роста. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.

Янов А.Л. Россия и Европа. 1462–1921: В 3 кн. Кн. первая. Европейское столетие России. 1480–1550. М.: Новый Хронограф, 2008.

Ясин Е.Г. Суть реформ Е.Т. Гайдара с точки зрения институциональной теории // Экономика и общество / Под общ. ред. А.П. Заостровцева. СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2011а. С. 19–24.

Ясин Е. Институциональные ограничения модернизации, или приживется ли демократия в России? // Вопросы экономики, 2011б, № 11. С. 4–24.

Ясин Е.Г. Приживется ли демократия в России. 2-е изд. М.: Фонд «Либеральная миссия»: Новое литературное обозрение, 2012.

Acemoglu D. Theory, General Equilibrium and Political Economy in Development Economics // Journal of Economic Perspectives. 2010. Vol. 24, no. 3. P. 17–32.

Altman A. Civil Rights // Stanford Encyclopedia of Philosophy. [2007] URL: <http://plato.stanford.edu/entries/civil-rights/>

Anderson G.M., Boettke P.J. Soviet Venality: A Rent-Seeking Model of Communist State // Public Choice. 1997. Vol. 93, no. 1–2. P. 37–53.

Belton C. Putin's Adviser Extols Ayn Rand // Moscow Times. 2000. April 26.

China 2030. Building a Modern, Harmonious, and Creative High Income Society. The World Bank and Development Research Center of the State Council, the People's Republic of China. Washington, 2012. URL: http://www-wds.worldbank.org/external/default/WDSContentServer/WDSP/IB/2012/02/28/000356161_20120228001303/Rendered/PDF/671790WPOP127500China020300complete.pdf

Democracy Index 2010. Democracy in Retreat. A Report from Economist Intelligence Unit. [2010] URL: http://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=DemocracyIndex2010

Democracy Index 2011. Democracy under Stress. A Report from Economist Intelligence Unit. [2011] URL: http://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=DemocracyIndex2011

Doing Business 2006. Creating Jobs. [2006] URL: <http://www.doingbusiness.org/reports/global-reports/doing-business-2006>

Doing Business 2013. Smarter Regulations for Small and Medium-Size Enterprises [2012] URL: <http://www.doingbusiness.org/~media/GIAWB/Doing%20Business/Documents/Annual-Reports/English/DB13-full-report.pdf>

Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays. Cambridge, MA, 1962.

Gwartney J., Lawson R., Hall J. Economic Freedom of the World: 2012. Annual Report. Fraser Institute. [2012] URL: http://www.freetheworld.com/datasets_efw.html

Kapás J., Czeglédi P. Political and Economic Freedom, and the Social Orders. [2012] URL: http://www.pubchoicesoc.org/papers_2012/Kapas_Czegledi.pdf

Miller T., Holmes K.R., Feulner E.J. Highlights of the 2012 Index of Economic Freedom: Promoting Economic Opportunity and Prosperity. Heritage Foundation and The Wall Street Journal. [2012]. URL: https://thf_media.s3.amazonaws.com/index/pdf/2012/Index2012-Highlights.pdf

North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. The Natural State: The Political Economy of Non-Development. March 2005. URL: <http://www.international.ucla.edu/ems/files/PERG.North.pdf>.

North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. NBER Working Paper. 2006. No. 12795.

North D.C., Wallis J.J., Webb S.B., Weingast B.R. Limited Access Order in the Developing World: A New Approach to the Problems of Development. World Bank. Policy Research Working Paper. 2007. No. 4359.

Olson M. Power and Prosperity: Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships. New York: Basic Books, 2000.

Przeworski A., Alvarez M., Cheibub J.A. and Limongi F. Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950–1990. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2000.

Pursianen C., Pei M. Authoritarianism or Democracy? // At the Crossroads of Post-Communist Modernisation: Russia and China in Comparative Perspective / Ed. by C. Pursianen. London: Palgrave Macmillan, 2012.

Rowely C.K. Efficiency of Democracy? // The Encyclopedia of Public Choice. Vol. 2 / Ed. by C.K. Rowely, F. Schneider. Dordrecht etc.: Kluwer acad., 2004. P. 189–195.

The Global Competitiveness Report 2012–2013 / Ed. by K. Schwab. Geneva: World Economic Forum, 2012. URL: <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-report-2012–2013>.

Weingast B.R. Why developing countries prove so resistant to the rule of law // Global perspectives on the rule of law / Ed. by J.J. Heckman, R.L. Nelson, L. Cabatingan. London; New York: Routledge, 2010. P. 28–52.

Wittman D. Efficiency of Democracy // The Encyclopedia of Public Choice. Vol. 2 / Ed. by C.K. Rowely, F. Schneider. Dordrecht etc.: Kluwer acad., 2004. P. 186–189.

Андрей Заостровцев

Егор Гайдар и новая институциональная экономическая история

Препринт М-30/12

В авторской редакции

Корректор — Е.И. Васьяковская

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3А
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 19.11.12
Формат 60x88 1/16. Тираж 50 экз.

**Центр исследований модернизации
Европейского университета в Санкт-Петербурге**

Центр создан в августе 2008 года в целях развития междисциплинарных сравнительных социальных, экономических и политических исследований. Задачами М-Центра являются реализация научно-исследовательских программ и проектов по направлениям его работы, создание и поддержание интенсивной и эффективной коммуникативной научной среды, содействие подготовке и повышение квалификации молодых ученых, подготовка и распространение научно-исследовательских и экспертных публикаций, ориентированных на научное сообщество и на широкую общественность.

В составе М-Центра работают специалисты,
участвовавшие в подготовке коллективных монографий:

Травин Д., Маргания О. **ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ**
в 2 кн. М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004.

Маргания О., ред. **СССР ПОСЛЕ РАСПАДА**
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2007.

Добронравин Н., Маргания О., ред. **НЕФТЬ, ГАЗ, МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА**
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008.

Президент М-Центра — кандидат экономических наук О.Л. Маргания
Научный руководитель М-Центра — кандидат экономических наук Д.Я. Травин
Исполнительный директор М-Центра — кандидат политических наук В.Я. Гельман